

Проблема правового социализма

(Эволюция социализма)

1.

Если великъ путь, пройденный въ теченіе XIX вѣка либерализмом*), то еще значительнѣе то разстояніе, которое прошелъ отъ утопіи до современнаго соучастія въ правительствѣ социализмъ. Сравнительно не трудно было доказать, что «новый либерализмъ» только углубляетъ и раскрываетъ тѣ же основныя идеи свободы, личности и права, которыя лежали въ основаніи либерализма классическаго. Легко было охарактеризовать и постепенный ростъ этихъ идей и наполненіе ихъ новымъ, все болѣе конкретнымъ и положительнымъ содержаніемъ. Выполнить ту же задачу для социализма — дѣло неизмѣримо болѣе трудное. Уже самое понятіе социализма гораздо менѣе опредѣленно, чѣмъ понятіе либерализма. Какія идеи составляютъ существенное содержаніе социализма? Между «индустриализмомъ» Сень-Симона, «гармонизмомъ» Фурье, коммунизмомъ Ленина, съ одной стороны, и социализмомъ Макдональда и Вандервельде, съ другой, — существуетъ ли еще что нибудь общее кромѣ общности наименованія, отъ которой, впрочемъ, тоже сейчасъ мало уже что осталось. Общность происхожденія? Но вѣдь и фашизмъ тоже безспорно социалистическаго происхожденія. Къ тому же кризисъ, переживаемый нынѣ социализмомъ, такъ глубокъ, взаимныя разногласія между представителями недавно еще одинаго идеологическаго теченія такъ велики, что справедливо встаетъ вопросъ: да существуетъ ли еще социализмъ какъ единое дѣло, то есть ли уже социализмъ, какъ таковой, нѣчто про-

*) Срв. нашу статью «Эволюція либерализма» въ XXII и XXIII кн. «Современ. Записокъ».

шлое, даже давно прошедшее? Последняя значительная попытка изложить эволюцію социализма и охарактеризовать переживаемый имъ кризисъ, принадлежащая покойному П. И. Новгородцеву, опредѣляетъ социализмъ какъ «утопію земного рая». Осуществленіе на землѣ абсолютнаго блага составляетъ, по мнѣнію Новгородцева, самое существо социализма, и отказъ отъ этой утопіи есть отказъ отъ социализма. То, что за отказомъ отъ утопіи, остается отъ социализма какъ непреходящее положительное его содержаніе, есть идея права лица на достойное существованіе, т. е. та самая идея, которая составляетъ существо и «новаго либерализма». Поэтому марксизмъ для Новгородцева есть наиболѣе послѣдовательный, единственный «настоящій» социализмъ. Крушеніе его въ ленинизмъ есть крушеніе всего социализма въ цѣломъ. Только переставая быть самимъ собою, вырождаясь или въ деспотическій абсолютизмъ или въ демократическій либерализмъ, остается социализмъ еще идеологической и политической идеей. Какъ социализмъ, онъ испытываетъ не кризисъ, а разложеніе, распадъ. Всѣ основныя его идеи — обобществленіе собственности, абсолютная рационалізація хозяйства, экономическое равенство — обнаружили окончательно какъ мнимыя идеи, какъ утопія, и въ этихъ идеяхъ нѣтъ ничего реальнаго, положительнаго, что превышало бы уже знакомую намъ ново-либеральную идею «права на достойное существованіе».

Изложенный Новгородцевымъ съ чрезвычайной силой убѣжденія и эрудиціи взглядъ этотъ пользуется нынѣ широкимъ распространеніемъ. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, почему онъ представляется намъ неправильнымъ. Безспорно, социализмъ переживаетъ нынѣ глубочайшій кризисъ. Но этотъ кризисъ есть оборотная сторона его роста, превращенія его въ «правительственную» партію и его все усиливающейся консолидаціи. Большевицкій коммунизмъ, будучи рецидивомъ всего утопическаго, исторически ограниченнаго и отжившаго въ социализмѣ, только ускорилъ этотъ еще ранѣе намѣчавшійся процессъ внутренней консолидаціи социализма. Оттянувъ отъ социализма всѣ чисто утопическіе и разрушительные элементы, онъ тѣмъ самымъ очистилъ его подлинное положительное содержаніе. Осознать это положительное содержаніе социализма составляетъ актуальную задачу современ-

ной политической теоріи. Соціализмъ долженъ отмежевать себя и теоретически, принципиально отъ коммунизма, а не только въ своемъ политическомъ дѣйствіи. Если соціализмъ отличается отъ коммунизма не принципиально, не конечными своими цѣлями, а только тактически, средствами и путями, какъ до сихъ поръ думаютъ еще многіе соціалисты, то Новгородцевъ правъ: внѣшній политическій разгромъ либерализма и превращеніе соціалистической партіи во «вторую партію» въ Англіи, Бельгіи, Скандинавіи, даже въ Германіи и Австріи означалъ бы тогда на дѣлѣ только смѣну руководящихъ лицъ и, быть можетъ, въ связи съ разгромомъ т. наз. средняго класса, смѣну соціального основанія по существу все той же самой либерально-демократической, идеологіи. Проигравъ какъ политическая партія, демократическій либерализмъ еще болѣе выигралъ бы въ такомъ случаѣ какъ идеологія. Мы менѣе всего намѣрены отрицать безспорный фактъ приближенія соціализма къ либерализму, все большаго воспріятія соціалистической практикой и теоріей элементовъ либерализма. Именно этимъ утвержденіемъ непреходящаго начала либерализма соціализмъ, думаемъ мы, и отличается отъ отрицающаго правовое начало коммунизма. Если до сихъ поръ элементы либерализма только терпѣлись соціалистической теоріей какъ своего рода полудозволенная контрабанда, то нынѣ соціализмъ долженъ наконецъ осознать и явно признать свое родство съ либерализмомъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что соціализмъ перестаетъ быть самимъ собой и превращается въ либерализмъ. Задача настоящаго очерка и заключается въ томъ, чтобы доказать, что, становясь на почву правового государства, соціализмъ есть дальнѣйшій этапъ въ развитіи послѣдняго — даже по сравненію съ «новымъ либерализмомъ». Его вѣчное, непреходящее содержаніе не исчерпывается неолиберальной идеей «права на достойное существованіе», хотя и вѣрно, что соціализмъ долженъ осознать себя какъ наслѣдникъ, а не противникъ либерализма. Пытаясь въ дальнѣйшемъ вскрыть непреходящее содержаніе соціализма, которое именно переживаемый имъ нынѣ кризисъ выявляетъ въ его очищенномъ видѣ, мы не соби-

раемся выдумывать никаких проектов нового социализма. Задачу свою мы видимъ только въ осознаніи того, что уже есть фактически достояніе практики и теоріи современнаго социализма.

ГЛАВА I.

УТОПИЧЕСКІЙ СОЦИАЛИЗМЪ КАКЪ АБСТРАКТНОЕ ОТРИЦАНІЕ ЛИБЕРАЛЬНО-КАПИТА- ЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

2.

Если нашъ взглядъ вѣренъ, то эволюція, пройденная социализмомъ, дѣйствительно громадна. Современный социализмъ зародился какъ безусловное отрицаніе либерализма. Можно сказать, что онъ есть крѣпкая реакція на правовой утопизмъ Французской Революціи, плодъ разочарованія въ дѣйственной силѣ совершеннаго правопорядка, въ реальномъ значеніи идеальной конституціи, отъ которой дѣятели Революціи ожидали, какъ извѣстно, наступленія совершеннаго общественнаго состоянія. Историческая связь между социализмомъ и консервативной реакціей начала XIX вѣка безспорна и общеизвѣстна: Сень-Симонъ и Жозефъ-де-Местръ не только соприкасались другъ съ другомъ, но и взаимно вліяли другъ на друга. Но если Жозефъ-де-Местръ отрицаетъ только самостоятельность и автономію права, низводя послѣднее до простого средства религіозной и національной государственности, то Сень-Симонъ отрицаетъ и самое право, какъ таковое. Его отрицаніе столь же абсолютно, какъ абсолютно утвержденіе правового утопизма. И здѣсь безспорно корень утопическаго характера его собственной системы, которую онъ противопоставляетъ системѣ либерализма и которая стала родоначальницей современнаго социализма.

Есть самое дѣлѣ «система индустриализма» Сень-Симона есть во всемъ прямое отрицаніе не только «конституціонализма», но и самой конституціи, правопорядка какъ таковаго. Для послѣдняго существенны «эгоистическій индивидуализмъ», «безпорядокъ», «анархія». Не только либерализмъ съ его вѣрой въ метафизическую гар-

монію преслѣдующихъ свои личные интересы индивидовъ, но и правовое государство, какъ таковое, есть, какъ утверждаетъ Сень-Симонъ, узаконенная анархія. Ибо право по существу своему субъективно и плюралистично, исходитъ изъ множественности непроницаемыхъ другъ для друга и д. и цѣлаго субъектовъ. На мѣсто права должно стать « систематическое единство », существенными чертами котораго являются « ассоціація », « преданность » *dévouement* « порядокъ. Самыя понятія права, справедливости и свободы должны быть изгнаны и замѣнены другими : благомъ (*bonheur*), справедливость — братствомъ и свобода — организацией. Не охрана естественныхъ правъ индивида, какъ гласила Декларация 1789 года, а счастье (*bonheur*) народовъ есть единственная и исключительная цѣль социальной организаціи ». *). Принципъ этотъ не субъективный и индивидуальный, а объективный и социальный. Онъ означаетъ «обеспеченіе общества максимумомъ средствъ и возможностей для удовлетворенія его первыхъ потребностей».**) Это есть принципъ наибольшаго производства, изъ котораго необходимо вытекаетъ требованіе рациональной организаціи всего хозяйства и общества въ цѣломъ. Эта послѣдняя, возлагая на каждого обязанность труда, будетъ изъ единого центра распоряжаться всѣми орудіями труда, предоставляя пользованіе ими (въ чемъ и заключается право собственности) тѣмъ, кто « настоящимъ образомъ способенъ пустить ихъ въ ходъ », въ связи съ чѣмъ и мѣсто каждого лица въ « систематическомъ единствѣ » общества опредѣляется « генералами индустріи » (*hommes généraux*) въ зависимости отъ способностей каждого («отъ каждого по его способностямъ»). Поэтому система индустріализма должна обнять весь социальный порядокъ въ цѣломъ . . . , регламентировать всѣ отношенія людей между собою, начиная отъ наиболѣе общихъ вплоть до наиболѣе частныхъ. Дѣйствіе власти « должно распространяться на все, быть всегда присутствующимъ ».***) Постольку и самая система организаціи не есть уже « политическая система », т. е. правопорядокъ. Если послѣдняя есть лишь виѣшняя форма фактическаго безпорядка, то замѣняющая ее « индустріальная система »,

*) *L'Organisateur, Œuvres choisies, t. II, 366.*

**) *Opinions, тамъ-же III, 221; Doctrina, 1 an. 325; 2 an., 167-171.*

***) *Doctrina, 2 ann.e, стр. 108.*

указуя каждой вещи и каждому лицу ихъ естественную функцію, есть не столько управление людьми, сколько управление вещами и людьми, какъ производителями вещей. Это есть чисто хозяйственная организація, или, какъ говорилъ С.-Симонъ, простая « администрація ». На мѣсто эксплуатаціи человѣка чловѣкомъ становится « эксплуатация земного шара » (exploitation du globe), цѣль которой — « постоянное прогрессивное улучшение моральнаго, физическаго и интеллектуальнаго состоянія чловѣческаго рода ». *) Въ этомъ смыслѣ право, какъ система властвованія однихъ людей надъ другими, какъ система разграниченія субъективныхъ интересовъ, эгоизмовъ отдѣльныхъ лицъ, не имѣетъ мѣста въ « органическомъ » общественномъ строѣ. Здѣсь оно отрицается, и послѣднимъ правовымъ актомъ долженъ быть именно актъ самоотрѣны права, его смерти, который Сень-Симонъ, какъ извѣстно ожидалъ отъ короля, предлагая ему для этого воспользоваться « всею полнотою своей власти ».

Всѣ особенности принципа Блага въ его прямой противоположности началу Права выступаютъ въ этой первой основоположной концепціи современнаго социализма съ чрезвычайной наглядностью. Право субъективно, плюралистично, а какъ объективный порядокъ оно только форма разграниченія и обезпеченія субъективнаго. Напротивъ, Благо — объективно, монистично, одно и то же для всѣхъ. Оно означаетъ поэтому порядокъ, организацію, « обобществленіе ». Право только формально и по существу своему отрицательно. Оно не устанавливаетъ содержанія жизненнаго поведенія, но лишь форму достиженія каждымъ его субъективныхъ цѣлей. Благо напротивъ опредѣлено и по своему содержанію, оно устанавливаетъ положительное содержаніе жизни. Отсюда рационализація хозяйства и жизни, организація ее по извѣстному, заранее познанному единому плану. Будучи опредѣлено по своему содержанію, Благо есть предметъ знанія и, въ качествѣ такой познанной конечной цѣли, оно однозначно опредѣляетъ собою всѣ ведущія къ нему дѣйствія, какъ чисто техническія средства ея достиженія. Поэтому Благо не удовлетворяется правовымъ равенствомъ, которое будучи только формальнымъ и отрицательнымъ, наполняется на дѣлѣ различнымъ жизненнымъ содержаніемъ и приводитъ къ

*) Doctrine, 1 an., 171.

фактическому неравенству. Благо требуетъ положительнаго и реальнаго («матеріальнаго») равенства, равенства не только въ томъ, какъ должны дѣйствовать люди, но и въ томъ, что они должны преслѣдовать своими дѣйствіями.

3.

Нетрудно было бы показать, что указанныя черты системы Сень-Симона общи всему утопическому социализму въ цѣломъ. Скорѣе могутъ возразить, что наше опредѣленіе первоначальнаго социализма какъ системы, исходящей изъ начала Блага въ его противоположности идеѣ Права, слишкомъ широко, будучи приложимо въ равной мѣрѣ къ консерватизму XIX вѣка, унаслѣдовавшему отъ государственнаго абсолютизма ту же самую идею Блага. На этомъ именно основаніи Спенсеръ, какъ извѣстно, называлъ социализмъ «возрожденнымъ торизмомъ». Въ лицѣ т. наз. «государственнаго социализма» консерватизмъ не менѣе рѣшительно отрицаетъ во имя блага цѣлаго такія, напр., основныя начала правового государства, какъ право собственности. Собственность отнюдь не есть неприкосновенное для государства право лица. Подобно тому какъ все право есть лишь совокупность установленныхъ государствомъ нормъ, такъ и право собственности есть лишь «высшая, допущенная закономъ форма правового господства лица надъ внѣшними благами». При этомъ при опредѣленіи полномочій собственника государство руководится отнюдь не мнимыми началами справедливости, а исключительно лишь принципомъ цѣлесообразности, все тѣмъ же Сень-Симоновымъ принципомъ «максимальной производительности»^{*)}. Это все та же идея собственности, какъ чисто общественной функціи, которая, съ одной стороны, получила свое выраженіе въ абсолютистскомъ Прусскомъ Уложеніи 1794 года,^{**)} а, съ другой, у ученика Сень-Симона — Огюста Конта, ви-

^{*)} Срв. напр. Ad. Wagner. Lehr-und Handbuch der polit. Oekonomie, I Hauptabt 2 Th. стр. 271, 295 сл., 231 и др.

^{**)} II, VII, § 8 и 9: «всякій земледѣлецъ обязанъ культивировать свой участокъ и въ интересахъ удовлетворенія общей нужды; онъ м. б. принужденъ къ этому даже мѣрами власти, а еслибы таковыя оказались недостаточными, м. б. вынужденъ къ продажѣ земли въ другія руки».

дѣвшаго во всякомъ субъективномъ правѣ метафизическое понятіе и противопоставлявшемъ деклараціи правъ декларацію обязанностей.*) Еще рѣзче та же идея Блага проявляется въ нѣкоторыхъ современныхъ консервативныхъ теченіяхъ. «Прусскій социализмъ» Шпенглера всецѣло проникнуть ею: повторяя зады Сень-Симона и Конта, Шпенглеръ, со всей силой убѣжденнаго англофоба, противопоставляетъ свои «истинно прусскія» идеи функціи, обязанности, служенія—«англійской» идеѣ правового государства. Интересно, что и фашизмъ кладетъ въ основу своей системы то же самое отрицаніе свободы и права, совершенно въ духѣ Сень-Симона противопологая свободѣ — обязанность, праву — благо и «анархіи» правового государства — порядокъ *) Нетрудно показать, что даже характерное для социализма отрицаніе только «формальнаго» правового равенства и противопоставленіе послѣднему «реальнаго» равенства вполнѣ раздѣляется консерватизмомъ. И Жозефъ-де-Мэстръ и теоретики современнаго фашизма въ полномъ согласіи съ Сень-Симономъ («Новое Христіанство») видятъ недостатокъ правового государства въ его «атеизмѣ», въ томъ, что оно устанавливаетъ только форму поведенія, качество послѣдняго, но ничего не говоритъ о томъ содержаніи, которое люди должны преслѣдовать своими дѣйствіями. Между тѣмъ общество живо единымъ духовнымъ содержаніемъ, которымъ всѣ его члены должны въ одинаковой мѣрѣ проникнуться, которому они должны служить. Чисто формальному равенству правового государства консерватизмъ противопоставляетъ тѣмъ самымъ равенство духовнаго содержанія, единовѣріе, и равенство одинаковаго убѣжденія. Пусть равенство это сочетается съ разнообразіемъ выполняемыхъ каждымъ общественныхъ функцій, съ неравенствомъ въ обязанностяхъ и полномочіяхъ, даже съ іерархичностью общественнаго строя, съ имущественнымъ неравенствомъ, — въ отличіе отъ якобинца Бабефа ни Сень-

*) Срв. A. Comte Syst. de politique positive 1890, I стр. 361.

Срв. тамъ же — (стр. 87, 156) положит. оцѣнку Ж. де-Мэстра и Средневѣковья.

**) Срв. о политической идеологіи фашизма превосходную статью І. Маршака «Der korporative und der hierarchische Gedanke im Faschismus» въ «Archiv für Socialwissenschaft und Socialpolitik», Bd. 52 (2) и 53 (1).

Симонъ, ни другіе представители утопическаго социализма тоже вѣдь никогда не мыслили свой идеальный порядокъ, какъ фактическое равенство исполняемыхъ функций, способностей, даже имущественнаго состоянія.

Имѣя въ виду эту тождественность исходнаго начала (принципъ Блага въ противоположность принципу Права) и сходство вытекающихъ изъ него слѣдствій въ системахъ социализма, съ одной стороны, и въ ученіяхъ консерватизма, съ другой, достойно удивленія, какъ теоретики социализма не дали до сихъ поръ рѣзкаго и точнаго разграниченія между Благомъ социализма и Благомъ консерватизма. Между тѣмъ явное сближеніе большевицкаго коммунизма съ консерватизмомъ, превращеніе коммунистическаго равенства изъ первоначально предполагавшагося экономическаго все болѣе въ равенство духовнаго убѣжденія, а коммунистической партіи (и подражающей ей фашистской) въ своего рода духовный орденъ дѣлаютъ нынѣ такое разграниченіе особенно необходимымъ. Безъ него невозможно понять ни существа социализма ни его дальнѣйшей эволюціи.

Какъ мы уже указали, различіе между утопическимъ социализмомъ и консерватизмомъ заключается въ томъ, что послѣдній отрицаетъ самостоятельность и автономію права, первый-же — самое право какъ таковое. Консерватизмъ подчиняетъ право благу цѣлаго, при чемъ носителемъ этого блага онъ признаетъ государство, коего простымъ орудіемъ и волеизъявленіемъ является право. Отрицаніе права консерватизмомъ есть постольку условное отрицаніе: какъ простое орудіе, какъ инструментъ въ рукахъ государства, право имъ признается. Подчиняя право государству какъ носителю Блага, консерватизмъ мыслить Благо наполненнымъ опредѣленнымъ историческимъ содержаніемъ — національнымъ или религиознымъ, т. е. только такому содержанію присущъ характеръ исторической объективности, отличающей Благо консерватизма. Благо государства, а не каждаго отдѣльнаго лица есть такимъ образомъ Благо консерватизма. По отношенію къ этому Благу отдѣльныя лица имѣютъ только обязанности, но не права. Они суть по отношенію къ нему простые средства, не имѣющія самостоятельной цѣнности. Будучи историческимъ по своему содержанію, Благо консерватизма трансцендентно: поэтому оно не только не требуетъ

преобразования земной действительности, но готово на-противъ освятить всякую действительность, любое человѣческое установленіе, лишь бы только оно подчинилось ему какъ средство цѣли. Цѣль эта въ послѣднемъ счетѣ единовѣріе, равенство духовнаго убѣжденія всѣхъ, одинаковость опредѣляющаго жизненное поведеніе содержанія. Выставляемое какъ благо государственнаго цѣлаго, содержание это естественно носитъ національно-религіозный характеръ.

Совершенно иной характеръ носитъ Благо социализма. Благо, которое социализмъ противопоставляетъ формальному Праву либерализма, есть **благо всѣхъ и каждаго** составляющихъ общество лицъ. Уже Томасъ Моръ опредѣлялъ конечную цѣль своего коммунистическаго государства какъ обезпеченіе «всѣмъ гражданамъ возможности посвящать время, остающееся послѣ удовлетворенія потребностей общины, свободной дѣятельности и развитію своего духа». Между общимъ благомъ и благомъ каждаго отдѣльнаго индивида социализмъ разъ и навсегда устанавливаетъ полное и безусловное тождество. «Общее благо» есть въ сущности не что иное какъ простая сумма индивидуальныхъ благъ. Въ утвержденіи этой тождественности Антонъ Менгеръ правильно усматривалъ специфическую черту социализма, которой именно социализмъ отличается, по его мнѣнію, отъ консервативныхъ ученій, тоже исходящихъ изъ идеи Блага, но гипостазирующихъ государство въ особую сущность, якобы имѣющую свое особое существованіе и свое особое благо, отличное отъ блага составляющихъ его индивидовъ*). На этомъ именно основаніи Дицель справедливо подчеркивалъ наличие внутри социализма момента крайняго индивидуализма:**) послѣдняя цѣль социализма — **обезпечить максимальное благо каждаго отдѣльнаго лица**. Обобщественіе есть лишь средство для этой послѣдней цѣли, потому что и самое общество и общее благо есть лишь сумма отдѣльныхъ лицъ и индивидуальныхъ благъ. Подобно тому какъ классическій либерализмъ понималъ право какъ итогъ того полнаго произвола, который остается у личности за вычетомъ установленныхъ общественнымъ догово-

*) Новое ученіе о государствѣ, р. к. 1905, стр. 26 сл., 216 сл.

***) Статья Individualismus въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften

ромъ, ради обезпеченія этого самаго права, ограниченій, такъ и первоначальный социализмъ мыслить Благо какъ благо каждаго отдѣльнаго лица, остающееся въ произвольномъ распоряженіи каждаго за вычетомъ того «блага всѣхъ», которому каждый отдаетъ дань ради обезпеченія именно своего индивидуальнаго блага. Отсюда въ первую очередь **экономическій характеръ** блага социализма: ибо благо мыслится въ немъ какъ средство и база фактической, а не формальной свободы лица, понимаемой какъ независимость каждаго отъ природной нужды. Отсюда также въ первую очередь экономическій характеръ социалистическаго равенства. Если социализмъ часто приходитъ къ требованію и духовнаго равенства (единовѣрія), какъ напр. въ «новомъ христіанствѣ» Сень-Симона или въ религіозномъ социализмѣ Пьера Леру, то это уже слѣдствіе заложенной въ отрицаніи формальнаго только права необходимости противопоставить ему положительное содержаніе жизненнаго поведенія. Точно также и обратно, напр., консерватизмъ Платона, исходящій изъ общности духовнаго содержанія жизни, приходитъ къ экономическому равенству какъ его необходимому орудію и средству.

Исходя изъ тождественности общаго Блага и блага каждаго, утопическій социализмъ поэтому **отрицаетъ государство**. Не благо государства, могущее всегда быть противопоставленнымъ благу отдѣльнаго лица, а благо всѣхъ и каждаго есть цѣль социалистическаго устройства. Уже у Сень-Симона поэтому государству противопоставляется **общество**, которое, въ отличіе отъ государства, не имѣетъ своего особаго бытія а всецѣло и полностью совпадаетъ съ составляющими его индивидами, есть простая ихъ, не имѣющая своего особаго бытія, сумма. Социализмъ есть именно социализмъ, а не этатизмъ. Онъ мыслится какъ безгосударственное существованіе, какъ «чистое» общество, лишненное принудительной государственной формы, притязающей быть чѣмъ то особымъ отъ содержанія, какъ замѣна властвованія однихъ лицъ надъ другими простою «администраціей вещей». Именно потому, что общее благо мыслится какъ благо каждаго отдѣльнаго лица, социализмъ первоначально мыслить себя стоящимъ внѣ государства. Съ отрицаніемъ государства у него нѣтъ основаній признавать и право хотя бы условно, въ качествѣ орудія

государства, какъ это дѣлаеть консерватизмъ. Понимая вмѣстѣ съ послѣднимъ право какъ простое волеизъявленіе государства, онъ, отрицая государство, тѣмъ самымъ отрицаетъ и право — во имя блага «общества», которое единственно только есть благо всѣхъ и каждаго. Такъ индивидуалистическій моментъ въ пониманіи социализмомъ Блага объясняетъ намъ, почему социализмъ означаетъ вначалѣ безусловное и радикальное отрицаніе правового государства либерализма.

Тотъ же индивидуалистическій моментъ придаетъ эвдемонистическій характеръ Блугу социализма. **Благо это есть земное благо**, ибо только такое благо можетъ дать человѣку настоящую, а не фиктивную свободу. Оно есть богатство въ экономическомъ смыслѣ этого слова, ибо только богатство можетъ освободить человѣка отъ рабствования природѣ. И потому какъ ни сильнѣ у Сень-Симона и другихъ утопическихъ социалистовъ пафосъ труда, служенія общественному цѣлому, долга и обязанности, послѣдняя затаенная цѣль социализма и его конечный замыселъ — это освобожденіе человѣка отъ труда и отъ неволи природнымъ силамъ, вызывающей необходимость труда. **Свобода личности** мыслится утопическимъ социализмомъ единодушно, какъ **досугъ**, которымъ каждая отдѣльная личность распоряжается по своему произволу и который непрерывно увеличивается въ мѣру утвержденія социалистическихъ началъ обобществленія, рационализации хозяйства и экономического равенства.

Въ отношеніи первоначальнаго социализма и консерватизма къ либерализму развивается своеобразная діалектика. Консерватизмъ сразу противопоставляетъ формализму и субъективизму правового государства объективное и положительное по своему содержанію, національно-религіозно окрашенное Благо, носителемъ котораго является историческое государство. Благодаря этому отрицаніе имъ правового государства ослабляется до условнаго, право признается какъ средство и орудіе государственной воли. Социализмъ начинаетъ съ безусловнаго и крайняго отрицанія правового государства, абсолютнаго отрицанія самаго права, и это потому, что то положительное по своему содержанію Благо, тотъ порядокъ, та ассоціація, которые онъ противопоставляетъ субъективизму только формальнаго Права, лишено въ сущности своего собственного

содержанія и есть въ послѣднемъ счетѣ лишь сумма субъективныхъ, индивидуальныхъ благъ. Постольку социализмъ съ самаго же начала уже содержитъ въ себѣ моментъ отрицаемаго имъ либерализма. Если консерватизмъ сразу же прямо противопоставляетъ объективное Благо субъективнымъ свободамъ и праву, какъ началамъ завѣдомо ложнымъ и мнимымъ, то социализмъ отрицаетъ правовую свободу лица ради его фактической свободы и только формальное право ради превышающей его матеріальной справедливости. Отрицая правовую свободу и равенство какъ фиктивные начала, онъ хочетъ настоящей фактической свободы и реального равенства, какъ возможности удовлетворенія каждымъ его потребностей, и постольку идетъ далѣе столь рѣшительно отвергаемаго имъ либерализма. Поэтому именно онъ представляетъ собою радикальное и безусловное отрицаніе начала Права. Замыслу классическаго либерализма онъ хочетъ дать полное удовлетвореніе. Но онъ утверждаетъ, что эта, мыслимая имъ въ совершенномъ согласіи съ классическимъ либерализмомъ какъ полный произволъ лица, свобода можетъ быть реально осуществлена лишь какъ то, что остается ему механически за вычетомъ той дани, которую каждый отдаетъ общему «благу всѣхъ». Благо всѣхъ (грудь), затѣмъ — на основѣ его, какъ его естественный плодъ — благо каждаго (досугъ) — въ этомъ механическомъ, даже во времени раздѣленномъ отношеніи простой рядоположности, которую между обществомъ и личностью устанавливаетъ первоначальный социализмъ, заключается его специфическая по сравненію съ консерватизмомъ черта.

Мы увидимъ далѣе, что здѣсь именно заключается основа того, что социализмъ, начавшій съ отрицанія либерализма, оказался способнымъ постепенно вбирать въ себя моменты послѣдняго. Можно сказать, что вся эволюція социализма заключается въ сущности въ томъ, что отношеніе механической рядоположности между средствами и цѣлью (сначала «благо всѣхъ», затѣмъ, какъ конечная цѣль его, — благо каждой личности) постепенно все болѣе и болѣе замѣняется отношеніемъ органическаго взаимопроникновенія: идея личности, первоначально понимаемая какъ ея субъективное благо, механически вытекающее изъ осуществленнаго общаго блага, какъ «блага всѣхъ», постепенно все болѣе пронизываетъ это послѣд-

нее, придавая тѣмъ самымъ « обобществленію » все болѣе правовой и « либеральный » характеръ.

4.

Существо того начала Блага, которое утопическій социализмъ противопоставляетъ чисто формальному Праву либерализма, заключается въ его притязаніи дать положительное содержаніе жизненному поведенію. Благо объективно, одно для всѣхъ, содержательно, тогда какъ Право — только внѣшняя форма, ограждающая преслѣдованіе каждымъ своихъ субъективныхъ интересовъ, оно — отрицательно и анархично. Однако, вскрытый нами выше моментъ индивидуализма въ утопическомъ социализмѣ придаетъ самому Блугу индивидуалистическій и постольку субъективный характеръ. Отсюда внутренняя антиномія въ утопическомъ социализмѣ, отсутствующая въ ученіяхъ консерватизма, которые субъективному Праву противопоставляютъ разъ и навсегда опредѣленный въ своемъ содержаніи, національно и религіозно обоснованный, за абсолютную истину выдаваемый идеаль. Отсюда также въ свою очередь отсутствующая въ консерватизмѣ возможность движенія социализма въ сторону либерализма, преслѣдить которую и составляетъ нашу задачу.

Утопическій характеръ первоначальнаго социализма и есть въ сущности выраженіе и слѣдствіе этой **исходной антиноміи**: единое положительное по своему содержанію и объективное Благо есть лишь средство обезпеченія субъективнаго и множественнаго, кроющаго въ себѣ разнообразное содержаніе блага отдѣльныхъ личностей — индивидовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается « утолизмъ » утопическаго социализма? Марксистская критика его, хотя и не сдѣлавши послѣднихъ выводовъ изъ своего собственнаго анализа, правильно усматривала существо утопизма въ той не скупящейся на подробности мнимой положительности, съ которой утописты рисовали картину идеальнаго общественаго устройства. Картина эта не вытекала изъ анализа реальной исторической дѣйствительности, а строилась чисто отвлеченно на основаніи рациональныхъ соображеній о якобы вѣчной челоуѣческой природѣ. Положительнымъ и конкретнымъ во всѣхъ системахъ утопическаго социализма было въ сущно-

сти только отрицаніе капиталистическаго строя и его либерально-правовой идеологіи. Всѣ же собственно положительныя конструкціи были въ сущности не чѣмъ инымъ какъ **положительной перефразировкой этого отрицанія** и попыткой положительно представить себѣ тотъ строй, при которомъ не будетъ оправдываемыхъ либерализмомъ капиталистическихъ формъ жизни. Такъ, когда Фурье говорить, что грязныя работы въ фалангѣ будутъ выполняться отрядами дѣтей, любящихъ копаться въ грязи, здѣсь нѣтъ ничего положительнаго, а есть только уловка воображенія, пытающагося представить себѣ порядокъ, при которомъ по предположенію **не будетъ** проблемы не соответствующей способности трудящагося работы. Совершенно того же характера описанія техническихъ усовершенствованій, которыя мы встрѣчаемъ у Сень-Симонистовъ, и замѣняющихъ торговлю и деньги боновъ, о которыхъ говорить Оуэнь. Положительное содержаніе здѣсь мнимо, оно произвольно строится ради возможности представить себѣ конкретно отрицаніе обычныхъ въ современности установленийъ. Всѣ основныя понятія утопическаго социализма имѣютъ точно также чисто отрицательное содержаніе. Такъ основное понятіе общества, противопоставляемаго утопическимъ социализмомъ государству, еще совсѣмъ лишено своего особаго содержанія, какъ оно его впоследствии, напр., получило въ синдикализмѣ. «Общество» у Сень-Симона и у прочихъ утопистовъ опредѣляется тѣмъ, что оно именно не есть государство, т. е. искусственная, историческая (отождествленіе искусственнаго и историческаго совсѣмъ въ духѣ XVIII в.) организація власти однихъ надъ другими, позволяющая однимъ жить на счетъ труда другихъ. «Общество» естественно, реально, а не формально, можно было бы сказать — органично, еслибы оно не мыслилось само механически какъ однообразная, внутри себя нерасчлененная масса, которую можно перестраивать и организовывать въ духѣ идеальнаго строя на основаніи чисто рациональныхъ соображеній. Поэтому приписывать уже Сень-Симону идеи «производителя» и «функции» въ томъ смыслѣ, какъ ихъ нынѣ понимаетъ синдикализмъ, противопоставляя ихъ «гражданину» и «праву»,*) — значитъ вкладывать въ построенія утопи-

*) Какъ это дѣлаетъ напр. M. Leroy. H. de Saint-Simon, Paris. 1924.

ческого соціалізму чуждыя ему сучасныя ідэі. Сень-Сімонава паняцце «прамышленніка» ёсць адвученная форма позднаўшага «празводіцеля»: ў немь адсутствуе суцэсвенны для послэдняга момэнтъ прынадлежнасці къ опредѣленной, самопроізвољно сложившейся общественной группѣ (синдикату) и імѣется лишь отвученно-общій момэнтъ участія въ хозяйственномъ процесѣ (точнѣе, въ процесѣ проіводства), какъ нерасчлененномъ цѣломъ. Скорѣе всего «общество» утопическаго соціалізма ёсць не что иное, какъ «хозяйство» въ его отличіи отъ права и государства. Извѣстно, что такъ именно почти одновременно опредѣляль «общество» Гегель. Но, въ отличіе отъ Гегеля, у котораго «хозяйство» представляло собою особую, извнутри положительно опредѣленную законосообразную систему («систему потребности»), хозяйство утопическаго соціалізма, вполнѣ совпадающее съ «проіздствомъ», ничѣмъ не отличается въ сущности отъ техники, которой оно всецѣло должно подчиняться. Въ идеальномъ строѣ, въ которомъ «общество» вполнѣ высвобождается отъ своего подчиненія государству и праву, хозяйство дѣйствительно и превращается въ технику: чисто механически составляющіе общество индивиды (почему благо общества и совпадаетъ съ благомъ всѣхъ и каждаго) распредѣляются въ немъ на работы исключительно на основаніи техническихъ, чисто рациональныхъ соображеній. Технически совершенное какъ въ «индустріализмѣ» Сень-Симона, такъ и въ «гармонизмѣ» Фурье и Оуэна вполнѣ совпадаетъ съ хозяйственно-выгоднымъ. Такъ отрицательно опредѣленное (черезъ свое противоположеніе отвергаемымъ государству и праву) «общество» утопическаго соціалізма оставалось совершенно лишеннымъ своего собственного положительнаго содержанія.

Отсюда также полная неопредѣленность въ его положительномъ содержаніи и основнаго панятія «обобществленія». «Обобществленіе» ёсць въ утопическомъ соціализмѣ менѣе всего, конечно, огосударствленіе, націоналізація или муниципализація. Орудія проіводства (такъ же какъ и предметы потребления) «принадлежать» не только у Сень-Симона, но и у прачихъ утопистовъ въ сущности самимъ себѣ, точнѣе той функціи, которую они въ абсолютно рациональномъ, совершенно техническомъ

хозяйствѣ должны выполнять, или, иначе говоря, никому не принадлежать. Но какъ достичь этого, разѣ въ концѣ концовъ ими по необходимости распоряжаются люди, — это останется неяснымъ. Всѣ подробныя описанія организации производства, которыя мы находимъ у Сень-Симонистовъ и особенно у Фурье, только пытаются сдѣлать представимымъ чистое отрицаніе, въ данномъ случаѣ отрицаніе собственности, т. е. принадлежности вещей чьей-бы то ни было волѣ. То же самое можно сказать и о понятіи истиннаго, или экономическаго равенства, которое утопическій социализмъ противопоставляетъ чисто формальному, правовому равенству либерализма. Только незнакомый съ подлинными писаніями великихъ утолистовъ можетъ приписывать имъ идею фактическаго равенства, высказывавшуюся крайними якобинцами и впоследствии формулированную Бабефомъ. И Фурье и Оуэнъ стоятъ за многообразіе противъ одинаковости, Сень-Симонъ даже за іерархію. Но что такое подлинное равенство въ своемъ положительномъ содержаніи, остается неопредѣленнымъ. Вопреки собственному своему желанію «утописты» рисуютъ въ концѣ концовъ тѣ же картины одинаковости, и отъ окончательнаго впаденія въ утомительное однообразіе Бабефовскаго эгалитаризма ихъ спасаетъ только фикція абсолютнаго богатства, которое будетъ достигнуто въ идеальномъ строѣ и которое позволитъ, требуя отъ каждаго по его способностямъ, воздавать ему по его потребностямъ. Всѣ относящіяся сюда детали, какъ напр. хитроумная система распределенія Фурье соотвѣтственно долямъ капитала, таланта и труда, являются все той же уловкой воображенія, пытающагося сдѣлать представимымъ отрицаніе несправедливаго распределенія собственности въ капитализмѣ. «Экономическое равенство» означаетъ только, что въ идеальномъ строѣ не будетъ того неравенства, которое позволяетъ подъ покровомъ правового равенства экономически сильному «эксплуатировать» слабого.

Такимъ образомъ, та не скупящаяся на детали положительность, съ которой утопическій социализмъ строить, исходя изъ отвлеченно-раціональныхъ соображеній, свое идеальное общество и которая составляетъ содержаніе его противопоставляемаго Праву Блага, есть мнимая **положительность**. Она есть только маска чистаго отри-

цанія. Здѣсь именно заключается корень утопизма. Какъ мы показали въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей,*) существо утопизма заключается въ отрицаніи имъ исторической дѣйствительности. Рациональное выдумываніе своей дѣйствительности есть только обратная сторона коренного и безусловнаго отрицанія дѣйствительности исторической. Идеальное общество утопистовъ ни въ какомъ отношеніи не вырастаетъ изъ дѣйствительности, какъ она сложилась въ процессѣ историческаго развитія. Оно вполнѣ и цѣликомъ основано на противоположеніи этой дѣйствительности, есть не что иное какъ попытка вообразить себѣ ея отрицаніе. Поэтому оно предполагаетъ совершенное разрушеніе этой дѣйствительности, постройку заново, на голомъ мѣстѣ. Отъ анархизма утопическій социализмъ отличается поэтому не принципиально, а только способомъ своего отрицанія. Если первый отрицаетъ право и государство либерализма (такъ же какъ и націю и религію, составляющія содержание Блага консерватизма) путемъ «прямого дѣйсгвія» и потому, какъ напр., у Бакунина, не задумывается много надъ будущимъ строемъ, то утопическій социализмъ, мышление котораго не закупорено активностью, отрицаетъ ихъ путемъ воображенія. Отсюда характерный для обоихъ и входящій въ понятіе утопизма максимализмъ: отрицая историческое преданіе полностью и цѣликомъ, противопоставляя ему свой идеальный міръ какъ конецъ (но отнюдь не исполненіе) всей исторіи, утопическій социализмъ отрицаетъ не конкретные, опредѣленные виды зла. Исходя изъ отрицанія специфически капиталистическаго зла, онъ въ развитіи своей мысли забираетъ все глубже и шире и кончаетъ отрицаніемъ всякаго зла вообще. «Обобщенное» собственностидолжно положить конецъ не только зловредному отношенію капиталиста къ рабочему, превращенію человеческого труда въ товаръ, специфически капиталистической эксплоатаціи, но возможности всякаго вообще насилія даже не только на почвѣ собственности. Обезпеченная обобществленіемъ рационализациія хозяйства должна не только положить конецъ рабству въ трудѣ, освободить трудъ, но и освободить отъ труда, сдѣлать трудъ не только свободнымъ, но и недолгимъ и нетруднымъ. Экономическое

*) Крушеніе утопизма. «Совр. Залъ», XIX.

равенство должно прекратить не только экономическую зависимость одного отъ другого, но и предоставивъ всѣмъ совершенно равныя возможности совершенствованія, сдѣлать всѣхъ людей одинаково свободными какъ личности. Абсолютное богатство, абсолютная справедливость, абсолютная свобода характеризуютъ идеальный строй въ противоположность всей до сихъ поръ бывшей исторіи. Если вслѣдъ за однимъ изъ новѣйшихъ гносеологовъ*) опредѣлить существо « дурной метафизики » въ той щедрости, съ которой она выставляетъ предпосылки, не вытекающія безусловно изъ самаго существа разрѣшаемой проблемы, то мышленіе утопическаго социализма глубоко « метафизично » въ дурномъ смыслѣ этого слова. Онъ не удовлетворяется « минимумомъ предпосылокъ », безъ которыхъ неразрѣшима именно эта специфическая подлежащая рѣшенію проблема, но сразу же окутываетъ предлагаемое рѣшеніе массой выдуманныхъ имъ положеній : такъ причину зла отрицаемаго имъ капиталистическаго строя онъ сразу же формулируетъ такъ (« экономическое неравенство »), что подъ нее подходитъ всякое общественное зло, и, отрицая послѣднее, онъ воображаетъ себѣ строй, лишенный какого бы то ни было зла вообще. И только оборотной стороной этой « дурной метафизики » мышленія является отмѣченный нами выше механизмъ въ способѣ мышленія имъ средствъ и цѣлей идеальнаго строя. Какъ свобода мыслится имъ какъ свобода отъ труда, т. е. какъ то, что остается индивиду послѣ выполненія имъ его доли несвободнаго труда, такъ же и личность мыслится имъ какъ то, что появляется въ результатѣ, послѣ того, какъ будетъ удовлетворено безличное общество, и само абсолютное Право (справедливость) есть для него то, что получится какъ механическое слѣдствіе преслѣдованія не Права, а противоположнаго Праву Блага. Средства здѣсь безусловно противоположны цѣли, и эта неспособность мыслить противоположности діалектически — сразу (свобода въ трудѣ, личность въ обществѣ, право въ благѣ) мститъ за себя тѣмъ, что въ немъ въ концѣ концовъ обнаруживается ложная діалектика въ видѣ непреодолимаго внутренняго противорѣчія.

Противорѣчіе это мы уже формулировали выше : это есть противорѣчіе объективнаго, монистическаго, положи-

*) Nikolai Hartmann, *Metaphysik d. Erkenntnis*. 1921.

тельного Блага, послѣднее содержаніе котораго однако субъективно, плюралистично и потому по необходимости отрицательно. Замѣчательно, что Сень-Симонъ и Фурье сами чувствовали эту мнимую положительность своего Блага. Поэтому, не удовлетворяясь идеаломъ совершеннаго общественнаго строя, они сочли необходимымъ дать ему своего рода религіозное обоснованіе. «Новое Христианство» Сень-Симона и «гармонизмъ» Фурье — это попытки придать Блугу такой-же объективный, положительный, авторитарный характеръ, какой оно имѣетъ въ ученіяхъ консерватизма. Но именно подражательная мнимость этихъ джерелигій обнаруживаетъ съ особенной яркостью мнимую положительность обосновываемаго ими Блага. «Религія плоти» есть все та же уловка воображенія заполнить содержательную пустоту чисто отрицательнаго Блага. Къ отрицательному содержанію Блага она не въ состояніи прибавить никакого объективнаго положительнаго содержанія. Ибо, обожествляя человѣческую природу, оптимистически вѣря въ возможность уничтоженія чисто природными силами всякаго на землѣ зла, она упраздняетъ то, что составляетъ душу всякой религіи : сознаніе «радикальной грѣховности» человѣческой природы и безысходной трагичности земнаго бытія.

По отношенію къ утопическому социализму вполне законно поэтому примѣнить ту формулу, которою Гегель охарактеризовалъ философію Просвѣщенія. Онъ есть **отвлеченное, абстрактное отрицаніе**. И какъ первоначальный либерализмъ утопически полагалъ, что свобода заключается въ простой отмѣнѣ опеки абсолютизма, а равенство — въ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій, точно такъ же и социализмъ начинаетъ съ отвлеченнаго отрицанія современнаго ему общественнаго строя. Въ этомъ именно и заключается утопичность, т. е. мнимость его положительнаго идеала. Движимый неясной интуиціей новаго, онъ реализуетъ только въ своемъ отрицаніи. Много времени еще должно было пройти, чтобы противопоставляемое имъ Праву либерализма Благо наполнилось положительнымъ содержаніемъ и тѣмъ самымъ... приблизилось къ Праву, восприняло въ себя существенные моменты послѣдняго.

ГЛАВА II

МАРКСИЗМЪ КАКЪ РЕАЛЬНОЕ ОТРИЦАНІЕ
ЛИБЕРАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО СТРОЯ.

5.

Однако прежде чѣмъ отрицательный идеаль утопическаго социализма могъ наполниться положительнымъ содержаніемъ, социализмъ долженъ былъ пройти вторую фазу своего развитія: **отвлеченное отрицаніе должно было стать реальнымъ отрицаніемъ** для того, чтобы оно вообще могло перестать быть голымъ отрицаніемъ. **Марксизмъ и представляется намъ этой второй стадіей развитія социализма.** Еще недавно «научный социализмъ» рѣзко противопоставлялъ себя утопическому. Правовѣрные социаль-демократы и нынѣ еще придерживаются этого противопоставленія (Каутскій, Куновъ). Однако, въ послѣднее время та грань, которая отдѣляетъ «великихъ утопистовъ» отъ Маркса и Энгельса, признается все болѣе и болѣе отнесенительной. Не только «буржуазные» критики марксизма, вроде Новгородцева, отрицаютъ эту грань, полагая, что марксизмъ есть наиболѣе яркое выраженіе именно утопическаго социализма. Ее отрицаютъ и такіе правовѣрные марксисты, какъ теоретики русскаго коммунизма, утверждающіе, что великіе утописты «превосхищаютъ во многихъ отношеніяхъ будущія теоретическія построенія научнаго социализма», и В. Черновъ, самъ испытавшій вліяніе марксизма и нынѣ полагающій, что утописты во многомъ современнѣе правовѣрныхъ марксистовъ именно тѣмъ, что они не ограничивались простымъ отрицаніемъ, а пытались рисовать положительную картину социалистическаго строя*).

Оба указанныхъ взгляда представляются намъ одинаково вѣрными. Въ самомъ дѣлѣ, по опредѣленію тѣхъ марксистовъ, которые, вслѣдъ за Марксомъ и Энгельсомъ, рѣзко отмежевываютъ научный социализмъ отъ утопическаго, различіе между обоими заключается въ отсутствующей у утопистовъ **теоріи классовой борьбы.** Эта послѣд-

*) Срв. В. Черновъ. Конструктивный социализмъ. г. 1, 1925. гл. 1.

няя составляет центральную идею марксизма и впервые дѣлаетъ социализмъ реальнымъ, укореняетъ его въ исторической дѣйствительности, заставляетъ его какъ бы выростать изъ послѣдней и тѣмъ самымъ лишаетъ его характера утопичности. Различіе это несомнѣнно, оно никѣмъ и не оспаривается. Весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли теорія классової борьбы, какъ она выражена въ марксизмѣ, преодолеваетъ утопизмъ первоначальнаго социализма. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся показать, что, если она его преодолеваетъ, то только потому, что въ известномъ смыслѣ еще болѣе усугубляетъ всѣ тѣ чисто отрицательные моменты, которые характеризуютъ утопическій социализмъ. Отвлеченное отрицаніе послѣдняго она превращаетъ въ реальное отрицаніе, въ классовую борьбу, въ революцію. Но отрицаніе, становящееся реальнымъ, необходимо перестаетъ быть самимъ собою, переходитъ въ утвержденіе. Постольку марксизмъ есть неустойчивое равновѣсіе между отрицающимъ дѣйствительность утопизмомъ и исходящимъ изъ нея и постольку утверждающимъ ее «реформизмомъ». Поэтому тѣ два аспекта теоріи классової борьбы, наличие которыхъ признается нынѣ большинствомъ какъ критиковъ такъ и сторонниковъ марксизма, объясняются не непосредственностью мысли Маркса и Энгельса, влияніями на нихъ старой идеологіи и ихъ революціоннымъ настроеніемъ (какъ утверждаютъ теоретики социаль-демократіи, напр. Кунновъ) или, напротивъ, революціоннымъ безвременьемъ (какъ думаютъ русскіе коммунисты), а самымъ мѣстомъ, которое марксизмъ занимаетъ въ эволюціи социализма. Такой взглядъ освобождаетъ насъ отъ вмѣшательства въ тѣ чисто филологическіе споры объ «истинномъ смыслѣ» марксизма, которые даже въ марксистской литературѣ становятся все болѣе анахронизмомъ. Мы заранее признаемъ наличие у Маркса обихъ уклоновъ: одного, завершающаго утопическій социализмъ, и другого, его преодолевающаго, и отказываемся, какъ отъ совершенно пражнаго, отъ рѣшенія вопроса, каково было истинное мнѣніе Маркса и какое мѣсто занялъ бы онъ самъ теперь въ спорѣ между «ленинистами» и «каутскіанцами». Безспорно

однако, что именно Ленинъ, и его послѣдователи, такъ-же какъ и практика русскаго коммунизма привели къ окончательному разграниченію обѣихъ тенденцій въ марксизмъ — отрицательно-революціонной, получившей не только свое наименованіе, но и свою наиболее яркую формулу въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», и положительно — демократической, нашедшей свое наиболее явственное выраженіе въ позднѣйшихъ писаніяхъ Энгельса. Но для того, чтобы уяснить себѣ послѣднюю тенденцію во всѣхъ ея и нынѣ далеко еще не осознанныхъ слѣдствіяхъ, необходимо сначала со всей рѣзкостью показать, въ какой мѣрѣ теорія классовой борьбы, которой марксизмъ повидимому отличается отъ утопическаго социализма, на дѣлѣ есть только его завершеніе, обоснованіе и осознаніе. Показать это — значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить какъ бесплодіе такъ и судьбу большевицкаго коммунизма, въ которомъ чисто теоретическое отвлеченное отрицаніе, составляющее содержаніе утопическаго социализма, съ особенной силой и яркостью превращается въ практическое, реальное отрицаніе — въ революцію.

Если сравнить «научный» социализмъ съ утопическимъ, то окажется, что теорія классовой борьбы, не отмѣняя ни одного изъ положеній послѣдняго, напротивъ подводитъ подъ нихъ прочное и прельщающее своей простотой основаніе. Утопическій социализмъ исходитъ изъ отрицанія правовыхъ свободы и равенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права и государства вообще какъ чисто формальныхъ и постольку мнимыхъ началъ. Но это отрицаніе остается у утопистовъ чисто отвлеченнымъ, они ограничиваются простымъ умственнымъ противопоставленіемъ отрицаемому или правовому государству своего идеальнаго безгосударственнаго и безправоваго общественнаго строя. Своей теоріей классовой борьбы Марксъ и Энгельсъ напротивъ сразу указываютъ и причину того, почему право есть необходимо мнимое начало, и путь, которымъ слѣдуетъ идти для его реальнаго уничтоженія. Право и охраняющее его государство не только формальны, но и въ существѣ своемъ ирреальны: они — только «надстройка» надъ подлинной реальностью общественной жизни, «производственными отношеніями», т. е. тѣми социальными отношеніями (въ первую очередь отношеніями собственности), которыя возникаютъ на почвѣ производства. Но послѣд-

нія суть не что иное как классовыя отношенія, ибо классъ есть социальная группа, опредѣленная своей ролью въ процессѣ производства. Эти отношенія антагонистичны, и 1. обр. классовая борьба составляетъ единственную подлинную реальность общественной жизни, существо и смыслъ всего историческаго процесса. Все остальное содержаніе культуры (право и государство, религія и нравственность, наука и искусство) есть только « отраженіе », проявленіе, а также средство и орудіе классовой борьбы. Такимъ образомъ право и государство суть только сознательное выраженіе бессознательныхъ отношеній силы. Они простыя орудія классоваго государства. Между правомъ и государствомъ марксизмъ не проводитъ никакого принципиальнаго различія : оба « выражаютъ » интересъ господствующаго класса, оба они суть простыя средства охраны и проведенія въ жизнь этого интереса. Если раньше, въ эпоху феодальной слабости и распада государства, право болѣе непосредственнымъ образомъ отражало классовое господство, то съ развитіемъ современнаго всесильнаго государства право становится во все большей степени орудіемъ средства : оно есть простое « велѣніе » государственной власти, которая въ свою очередь есть не что иное какъ организованное классовое господство. Постольку собственно права какъ права вообще не существуетъ и никогда не существовало. Въ существѣ своемъ право не есть право, но отраженіе и орудіе силы. Съ еще большимъ основаніемъ его можно было бы назвать безправіемъ, такъ-же какъ и государство по существу своему отнюдь не есть якобы стоящее « надъ » борющимися классами « государство », но есть « диктатура » класса, находящагося въ обладаніи орудіями производства.

Демократическое государство въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ государства стараго режима. Вѣрнѣе оно отличается отъ послѣдняго только содержаніемъ своего классоваго интереса : если абсолютистское государство выражало интересъ феодальнаго класса, то демократическое государство выражаетъ интересъ класса капиталистовъ. Но по существу оно также — организція классового господства, а отнюдь не народной воли. Воли на-

рода вообще не существуетъ, ибо нѣтъ единого народа, который былъ бы ея носителемъ. Это прекрасно показали уже Ог. Тьерри, вышедшій изъ школы Сень-Симона.*) Народъ раздѣленъ на классы, интересы которыхъ столь противоположны между собою, что исключаютъ образование какой бы то ни было «общей воли». Свобода и равенство и въ демократическомъ государствѣ точно также существуютъ только для господствующаго класса. Т. наз. «правовое государство» въ извѣстномъ смыслѣ еще хуже абсолютистскаго, ибо къ классовому господству, составляющему его реальное содержаніе, оно присоединяетъ лицемѣрный фронтонъ, которымъ пытается скрыть свою насильническую сущность. Право есть только слово, которымъ называется свое господство всякій обладающій государственной властью классъ. Справедливаго права никогда не было и не будетъ существовать.

Подводя подъ отрицаніе права и государства базу социологическаго объясненія, теорія классовой борьбы указываетъ и путь ихъ реального уничтоженія. Пролетаріатъ, какъ угнетенный въ современномъ государствѣ классъ, долженъ вырвать изъ рукъ господствующаго класса государственную власть, это главное орудіе классового господства. Онъ долженъ овладѣть государственной властью, установить господство своего интереса уже не въ буржуазномъ, а въ пролетарскомъ государствѣ. Но эта диктатура пролетаріата существенно отличается отъ диктатуры буржуазнаго класса. Будучи послѣднимъ угнетеннымъ классомъ, пролетаріатъ не имѣетъ нужды въ государствѣ и правѣ, какъ орудіяхъ угнетенія. Его господство впервые означаетъ господство всѣхъ и каждого, «общую волю», т. е. упраздненіе всякаго господства и угнетенія. Поэтому завоеваніе государственной власти пролетаріатомъ имѣетъ цѣлью своей разрушеніе государства и права, ихъ уничтоженіе. Диктатура пролетаріата есть переходный періодъ къ сверхклассовому обществу и постольку означаетъ постепенное отмирание права и государства. Въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ право и государство не будетъ существовать: они превратятся, по слову Энгельса, въ такія же музейныя древности, какъ прялка и бронзовый топоръ.

*) Срв. предисловіе Г. Плеханова къ рус. изд. «Коммунистическаго Манифеста».

Мы видим: марксизмъ, претворяя отвлеченное отрицаніе утопическаго социализма въ отрицаніе реальное, тѣмъ самымъ дѣлаетъ явнымъ то скрытое родство между первоначальнымъ социализмомъ и революціоннымъ анархизмомъ, которое было отмѣчено нами ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, все отличие между коммунистическимъ и анархическимъ отрицаніемъ господства и права сводится даже не къ способу ихъ разрушенія, а къ предполагаемой скорости такового. Революціонный анархизмъ Бакунинскаго толка полагаетъ, что разрушеніе государства и права дѣло сравнительно простое и легкое, и мыслить его какъ непосредственное слѣдствіе сверженія государственной власти. Марксизмъ напротивъ предполагаетъ, что оно потребуетъ болѣе или менѣе длительного переходнаго періода пролетарской диктатуры, задача которой заключается именно въ томъ, чтобы постепенно, но основательно искоренить всѣ слѣды государства и права въ общественной жизни и тѣмъ самымъ сдѣлать невозможной ихъ реставрацію. Но это уже явно есть различіе въ степени, а не въ принципѣ. И если, какъ, по свидѣтельству Троцкаго*), одно время полагалъ самъ Ленинъ, переходный періодъ долженъ продолжаться лишь нѣсколько мѣсяцевъ, то различіе это уже совершенно стирается, ибо въѣдъ и Бакунинъ врядъ ли рассчитывалъ на молниеносное разрушеніе государственной машины, и сводится къ чисто внѣшнему тактическому различію централизованной и децентрализованной революціи.

Скажутъ, что изложенный нами выше ходъ мыслей есть не столько марксизмъ, сколько ленинизмъ. Да, но какъ бы ни хотѣли Куновъ и Каутскій отмѣнить соответствующія утвержденія Маркса какъ случайныя обмолвки, они не только были сказаны Марксомъ, но и соответствовали его мысли. Идущій до конца въ этомъ направленіи Ленинъ совершенно правъ въ своихъ ссылкахъ на Маркса. Конечно, Ленинъ чрезвычайно упрощаетъ мысль послѣдняго, вытравляя изъ нея всѣ другіе — идеалистически-гегельянскіе — мотивы, которые чреваты частью прямо противоположными слѣдствіями и о которыхъ рѣчь впереди. Но зато она ничего и не прибавляетъ къ мысли Маркса, чего не было бы въ зародышѣ въ самомъ марксизмѣ, служа своего рода увеличительнымъ стекломъ

*) Срв. книгу Троцкаго о Ленинѣ (нѣм. изд. «Ueber Lenin» 1924).

для той тенденціи въ немъ, которую мы назвали «реальнымъ отрицаніемъ». Къ тому же Марксу никогда не приходилось осуществлять диктатуры пролетаріата, понятіе которой могло поэтому у него оставаться неопредѣленнымъ въ своихъ реальныхъ слѣдствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если право есть **только** орудіе классового господства и свобода и равенство существуютъ **только** для господствующаго класса (какъ это утверждалъ Марксъ), то почему не объявить право «орудіемъ пролетарской диктатуры», а свободу и равенство тѣмъ, что они есть по существу, т. е. несуществующими, какъ это и дѣлаютъ совѣтскіе кодексы и совѣтская практика? Если суть социализма не въ томъ, чтобы, «овладѣвъ» государствомъ, его преобразовать, для чего достаточно и всеобщаго избирательнаго права, какъ думалъ Лассаль, а въ томъ, чтобы «разбить» государство и право, то къ чему непременно ожидать «созрѣванія условий», почему не воспользоваться случайными обстоятельствами, помогающими и ранѣе срока напасть на государство? Правда, классовая борьба есть въ такомъ случаѣ не столько организація рабочаго класса, сколько гражданская война, но развѣ не для «завоеванія политической власти» съ цѣлью ея отмѣны долженъ быть организованъ и по мысли Маркса рабочій классъ? Все это совершенно необходимыя слѣдствія изъ точки зрѣнія реального отрицанія права и государства, въ частности демократіи. Ленинъ сдѣлалъ всѣ эти выводы, и въ этомъ его безспорная теоретическая заслуга. Социализмъ тѣмъ самымъ сводится, съ одной стороны (въ своей тактикѣ), къ якобинству и, съ другой (въ своей конечной цѣли), — къ анархизму. Это совершенно послѣдовательно и признаетъ Ленинъ. Большевиизмъ, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ «пролетарское якобинство». Совершенно неправильно, утверждаетъ онъ, видѣть различіе между социализмомъ и анархизмомъ въ томъ, что первый признаетъ, а послѣдній отрицаетъ право и государство (какъ это дѣлаетъ Плехановъ). Коммунизмъ и анархизмъ совпадаютъ въ своихъ цѣляхъ и различаются между собою только путями.*) Все это только подтверждаетъ нашу тезу, что марксизмъ есть не что иное, какъ

*) «Государство и революція», 1918, ст. 11, 21, 59. Срв. «Шагъ впередъ, два шага назадъ», 1904.

превращение отвлеченного отрицания утопического социализма в реальное: всеми чертами своими Ленинъ напоминает того короля, котораго тщетно ждалъ Сень-Симонъ и который долженъ былъ « въ послѣдній разъ » прожить « всю полноту политической власти » для ея окончательной отмѣны.

6.

Что теорія классовой борьбы, которой марксизмъ хочетъ отличаться отъ утопическаго социализма, на дѣлѣ только усугубляетъ утопизмъ послѣдняго, было уже показано нами въ одной изъ предыдущихъ статей*). Съ одной стороны, указывая на рабочее движеніе какъ на ту реальную силу, которой предназначено осуществить социализмъ, и даже болѣе — показывая, что развитіе капиталистическаго хозяйства неминуемо ведетъ его къ собственной гибели и что капитализмъ « чреватъ » социализмомъ, теорія классовой борьбы какъ будто укореняетъ социализмъ въ исторической дѣйствительности. Социализмъ, съ этой точки зрѣнія, не только отмѣняетъ капитализмъ, но и ему наследуетъ. Становясь реальнымъ, отрицаніе повидимому, дѣйствительно перестаетъ быть голымъ отрицаніемъ и переходитъ по схемѣ Гегеля въ утвержденіе. Капитализмъ, хотя и отмѣняемый социализмомъ, сохраняется въ немъ какъ его преодоленный моментъ, именно въ видѣ индустриализма, который въ социалистическомъ строѣ не только не уничтожается, но напротивъ доходитъ до своего высшаго развитія**). Однако такъ дѣло обстоитъ только въ хозяйственной области. Та самая теорія классовой борьбы, которая, экономически обосновывая социализмъ, должна бы низвести его съ утопіи въ историческую дѣйствительность, на дѣлѣ еще болѣе отрываетъ его отъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе о « производственныхъ отношеніяхъ », какъ объ единственномъ « реальномъ базисѣ общественнаго бытія », надъ которымъ возвышается « юридическая и политическая надстройка » (право

*) Крушеніе утопизма, « С. З. », XIX.

***) Впрочемъ въ этомъ отношеніи Сень-Симонъ уже предвосхитилъ марксизмъ. Оригинальность марксизма заключается не въ индустриалистическомъ пониманіи социализма, а въ доказательствѣ, что внутреннее развитіе капитализма неминуемо ведетъ къ социализму.

и государство), такъ-же какъ и « формы сознанія » (наука, искусство, нравственность, религія), являющіяся только своего рода феноменомъ базиса, еще рѣзче противопоставляетъ идеальный общественный строй всей предыдущей исторіи, чѣмъ это имѣло мѣсто въ утопическомъ социализмѣ. Въдь для революціоннаго марксизма производственныя отношенія суть прежде всего отношенія классовой борьбы, ея отраженіемъ и эпифеноменомъ являются и право и государство и « формы общественного сознанія », какъ наука, искусство, нравственность и религія. Какъ исторія началась съ распадѣнія первобытнаго (доисторическаго) коммунистическаго общества на классы, такъ она и кончится (но крайней мѣрѣ въ старомъ смыслѣ этого слова), когда побѣда пролетаріата приведетъ къ уничтоженію классового дѣленія общества въ новомъ, уже сознательно коммунистическомъ строѣ. Кончится во всякомъ случаѣ политическая исторія и вся исторія права, ибо право и государство, существо которыхъ исчерпывается тѣмъ, что они суть отраженіе и орудіе классовой борьбы, въ сверхклассовомъ обществѣ перестанутъ существовать. То же самое слѣдуетъ сказать и о религіи, ибо и социальная функція религіи для Маркса (такъ-же впрочемъ какъ и для Бакунина) заключается исключительно въ поддержкѣ и оправданіи классового государства (путемъ отвращенія воли угнетенныхъ классовъ отъ реальнаго земнаго блага къ мнимому небесному блаженству). За то напротивъ впервые начнется настоящая исторія « сознанія », исторія духовной культуры. Ибо если до сихъ поръ наука, искусство и нравственность были ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ и орудіемъ классовой борьбы (« чистая наука » есть нынѣ такая же лицемѣрная фраза, какъ и « нейтральное государство », или « нейтральная школа »), то въ коммунистическомъ сверхклассовомъ обществѣ они впервые станутъ тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ только претендовали быть: самозаконнымъ исканіемъ истины, автономной красотой, чистой человѣчностью. Подчиненные до сихъ поръ чуждому имъ закону экономики (классовому интересу), они впервые станутъ автономными, своему собственному закону подчиненными

областями, имѣющими свою собственную исторію, а не отражающими только развитіе производственныхъ отношеній *). «До сихъ поръ мы находимся еще въ доисторической эпохѣ, говоритъ Марксъ. Исторія человѣчества въ собственномъ смыслѣ слова начнется лишь тогда, когда человѣкъ, освобожденный наконецъ отъ ига бессознательныхъ силъ, будетъ руководить производствомъ по своему собственному разуму и своей собственной волѣ». Въ этомъ смыслѣ коммунизмъ и есть по слову Энгельса «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Такъ теорія классовой борьбы, долженствующая укоренить социализмъ въ исторіи, приводитъ въ концѣ концовъ къ обоснованію отрицанія исторіи, въ извѣстномъ смыслѣ еще болѣе рѣзкаго, чѣмъ то, которое мы находимъ въ утопическомъ социализмѣ. Настроеніе цитированныхъ выше словъ Маркса можетъ быть вполне сравнено съ тѣмъ, которое отличало эпоху правового утопизма и которое получило свое выраженіе въ извѣстныхъ словахъ Мирабо (рѣчь его отъ 27.6 1789 г.): «Исторія повѣствуетъ намъ слишкомъ часто о дѣйствіяхъ звѣроподобныхъ и дикихъ существъ, среди которыхъ изрѣдка попадаются отдѣльные герои. Да позволено будетъ намъ надѣяться, что мы сейчасъ только начинаемъ исторію человѣчества».

Утопическій характеръ марксизма особенно ярко обнаружится тогда, если мы спросимъ себя: **что же станетъ въ идеальномъ общественномъ строѣ съ хозяйствомъ,** которое, совпадая, повидимому, съ «производственными отношеніями», до сихъ поръ — въ старой исторіи — составляло реальный базисъ всей духовной культуры? Станнымъ образомъ критика до сихъ поръ какъ то не ставила этого вопроса. Между тѣмъ въ немъ лежитъ ключъ къ разрѣшенію основного (и недавно еще вновь съ особенной силой отмѣченнаго) противорѣчія марксизма. Какъ это ни парадоксально на первый взглядъ, но оборот-

* *) Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Кантъ, съ его ученіемъ объ автономныхъ (самозаконныхъ) нравственности, наукъ и искусствъ, отрицается марксизмомъ только для всего нынѣшняго «доисторического» періода исторіи. Къ «подлинной» же исторіи, характеризующейся именно автономіей науки, искусства и нравственности, вполнѣ приложима философія Канта, — выводъ, который и сдѣлали предшественники г. наз. этического социализма, стремящіеся сочетать Канта съ Марксомъ. Срв. ниже, гл. IV § 11.

ной стороной освобожденія духовной культуры («сознанія») отъ хозяйства должно явиться — и безспорно является въ марксизмѣ — **упраздненіе хозяйства**. Послѣднее въ идеальномъ строѣ точно такъ же перестаетъ существовать, какъ и возвышающіяся надъ нимъ право и государство. Ибо абсолютно рационализированное хозяйство есть уже не хозяйство, а техника. Въ самомъ дѣлѣ, если все хозяйство будетъ представлять собою одну огромную фабрику (а такъ именно представляетъ себѣ социалистическое хозяйство еще даже Эрфуртская программа),*) то никакихъ специфически экономическихъ проблемъ, отличающихся отъ техническихъ, въ немъ уже не будетъ. Экономическая сторона фабрики обуславливается вѣдь какъ разъ отношеніемъ ея къ вѣшнему міру, къ другимъ предпріятіямъ и къ рынку. При отсутствіи этого вѣшняго, отъ нея независимаго міра она необходимо отпадетъ, сольется съ чисто технической стороной организаціи производства. Технически-совершенное будетъ вполнѣ совпадать съ экономически выгоднымъ. Вѣдь расхожденіе между выгоднымъ и технически-совершеннымъ обуславливается наличиемъ социальныхъ отношеній, вклинивающихся между природой и человѣкомъ, возстающихъ преграду между человѣкомъ и вещами. Въ коммунизмѣ этихъ социальныхъ отношеній не будетъ, человѣкъ станетъ въ «непосредственное отношеніе къ вещамъ», и послѣднія будутъ исключаться изъ производства или примѣняться въ немъ единственно въ мѣру своей технической пригодности. Различіе между (техническими) формами производства и (экономическими) формами предпріятія, которое, несмотря на всю трудность его формулированія, является основнымъ не только для современнаго, капиталистическаго, но и для феодаальнаго и для античнаго хозяйствъ, въ коммунистическомъ строѣ естественно отпадетъ: при наличіи одного единственнаго громаднаго предпріятія всѣ различія сведутся только къ техническимъ различіямъ въ производствѣ. Въ этомъ и заключается единственный смыслъ извѣстныхъ словъ Энгельса, которыми онъ характеризуетъ коммунистическій строй: «на мѣсто управленія лицами становится распоряженіе вещами и руководство процессами производства». Это все та же «замѣна управле-

*) Срв. ниже § 8.

нія лицами администраціей вещей», которая составляла существо и Сень-Симонова «индустриализма».

Что въ коммунистическомъ строѣ, какъ его мыслить марксизмъ, хозяйство, какъ таковое, перестанетъ существовать и совпадетъ вполне съ техникой, — это доказываетъ и анализъ основного понятія марксизма, понятія «производственныхъ отношеній». Не только критики марксизма (напр. Зомбартъ), но и сами марксисты нерѣдко отождествляли «производственныя отношенія» съ «техникой», сводя тѣмъ самымъ основное положеніе марксизма къ чисто «просвѣтительному» утвержденію зависимости развитія культуры отъ техники производства (высказанному еще Кондорсе въ его «Очеркѣ развитія челоѣчества»). Совершенно справедливо Куновъ показываетъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ*) неосновательность такого отождествленія. Слѣдуетъ различать, говоритъ онъ, между «факторами производства» (Produktivkräfte) куда относятся подлежащія челоѣку силы природы, челоѣческой трудъ, инструменты и машины, «способомъ производства» (Produktionsweise), т. е. техническимъ процессомъ труда, и «производственными отношеніями» (Produktionsverhältnisse), т. е. «тѣми социальными отношеніями (правовымъ порядкомъ и отношеніями собственности), которые возникаютъ между людьми на почвѣ удовлетворенія ими потребностей». Эти послѣднія отнюдь не опредѣляются первыми. Напротивъ сплошь и рядомъ именно они опредѣляютъ «способъ производства», т. е. технику, связывая ее, мѣшая ей самостоятельному развитію. Именно они, а не техническій способъ производства является тѣмъ реальнымъ базисомъ общественнаго бытія, по отношенію къ которому вся культура есть только «надстройка». Но если такъ (а мы думаемъ, что толкованіе Кунова совершенно справедливо), то очевидно, что «производственныя отношенія» и есть то, что составляетъ специфическій слой хозяйства въ отличіе отъ техники, съ одной стороны, и права, съ другой. Если техника есть чистое взаимоотношеніе между вещами, такъ что и самый трудъ челоѣческой въ техническомъ процессѣ мыслится вполне овеществленно (какъ опредѣленный квантумъ энергій), а право — чистое

*) H. Cunow, Die Marx'sche Geschichts-, Gesellschafts — und Staatslehre, т. 2, 1921.

взаимоотношеніе между людьми, то хозяйство представляет собою именно промежуточный слой : социальных взаимоотношеній людей, возникающих на почвѣ отношенія ихъ къ природѣ, или, что то же, « обращенія вещей » уже не какъ чисто природныхъ сущностей (количественной энергіи и субстанціи), а какъ « благо », т. е. вещей, находящихся въ отношеніи къ человѣку и его потребностямъ. Въ ту самую мѣру, въ какой « благо » отличается отъ простого квантума матеріи и энергіи, хозяйство есть больше чѣмъ « техника » и кроетъ въ себѣ уже нѣкій « идеальный » (въ отличіе отъ чисто матеріальнаго процесса) моментъ. Но, съ другой стороны, оно не есть сфера чистыхъ взаимоотношеній людей между собою : оно — еще не право, хотя и кроетъ въ себѣ моменты права. Въ приведенномъ выше опредѣленіи Куновымъ « производственныхъ отношеній » эти моменты правильно указаны. Не подозревая того, Куновъ въ скрытомъ видѣ признаетъ въ сущности въ своемъ опредѣленіи извѣстную тезу Штаммлера объ оформленіи хозяйства правомъ. — Мы остановились такъ подробно на понятіи « производственныхъ отношеній » не для того, чтобы доказывать тождественность этого понятія съ понятіемъ хозяйства (въ самой марксистской литературѣ понятія эти употребляются вперемежку, и теза о реальномъ базисѣ общественнаго бытія всѣми марксистами толкуется именно какъ теза о хозяйственномъ базисѣ культуры), а для того, чтобы точнѣе опредѣлить понятіе хозяйства и мѣсто его въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ. Наука, искусство и нравственность потому именно и освобождаются въ немъ отъ своего рабствованія хозяйству, становятся самими собою, что хозяйство само перестаетъ быть хозяйствомъ и становится техникой. Процессъ переработки природныхъ вещей въ блага не будетъ больше сопровождаться социальнымъ дѣленіемъ людей между собою : люди будутъ различаться между собою въ крайнемъ случаѣ только по своей технической, а не социальной функции. Въдѣ со смертью государства и права неизбѣжно отомрутъ и тѣ моменты « права и отношеній собственности » между людьми, которыми именно, по толкованію Кунова, « производственныя отношенія » отличаются отъ

техническаго «способа производства»^{*)}). Для хозяйства, какъ посредствующаго между вещами и людьми слоя, не останется совершенно мѣста. Съ его полной рационализацией всѣ хозяйственныя задачи превратятся въ чисто техническія. На почвѣ достигнуаго своего конца и въ своемъ свершеніи себя самого преодолевшаго хозяйства будетъ имѣть мѣсто лишь чисто технической прогрессъ. Техника, до сихъ поръ связанная хозяйствомъ и классовымъ интересомъ, орудіемъ котораго она была, будетъ отнынѣ развиваться свободно, — и это откроетъ человѣчеству новыя безконечныя возможности удовлетворенія имъ его возрастающихъ потребностей.

«Конецъ хозяйства» означаетъ въ сущности разрѣшеніе человѣчествомъ задачи хозяйства — достиженія абсолютнаго богатства. Въдѣ однимъ изъ существенныхъ моментовъ хозяйственнаго блага, которымъ «благо» отличается отъ вещи, какъ простаго квантума матеріи и энергіи (и слѣдовательно, которымъ хозяйство отличается отъ техники), является моментъ «скудости». Постолюку именно богатство есть для хозяйства только идея въ Кантовомъ смыслѣ, т. е. «проблема безъ всякаго разрѣшенія». И, дѣйствительно, Марксъ не боится этого вывода. Въмѣстѣ съ плюрализмомъ (наличіемъ отдѣльныхъ, относительно независимыхъ хозяйственныхъ центровъ—«собственниковъ») въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ будетъ необходимо также отмѣнена и «цѣна», которая, будучи нынѣ функцией «соціальныхъ отношеній», вполнѣ совпадаетъ съ «цѣнностью», мыслимой Марксомъ овеществленно-технически, какъ квантумъ рабочей энергіи, употребленной при переработкѣ матеріи. «Благо» тѣмъ са-

^{*)} Какъ слѣдуетъ изъ предыдущаго изложенія, «производственныя отношенія совпадаютъ не только съ «хозяйствомъ», но и съ классовой борьбой». Это подтверждается какъ тѣмъ, что реальнымъ базисомъ духовной культуры марксизма является именно классовую борьбу, такъ и тѣмъ, что въ сверхклассовомъ обществѣ не можетъ быть между людьми «отношеній права и собственности». «Сосредоточение всѣхъ орудій производства въ рукахъ государства», о которомъ говоритъ Комм. Манифестъ, относится только къ переходному періоду диктатуры пролетаріата. Въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ, съ отмираніемъ государства, никто не будетъ собственникомъ, и, значитъ, отношеній собственности, а слѣдов. и «производственныхъ отношеній» вообще не будетъ.

мымъ вполне превратится въ вещь (хозяйство въ технику) и, слѣдовательно, лишится присущаго ему момента скудости. «Въ высшей фазѣ коммунистическаго общества, говоритъ Марксъ, послѣ того какъ исчезнетъ порабощающая зависимость лицъ отъ раздѣленія труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность духовнаго и физическаго труда, послѣ того какъ работа сдѣлается не только средствомъ къ жизни, но и первой жизненной потребностью, послѣ того какъ съ всестороннимъ развитіемъ вырастутъ и производительныя силы, и всѣ источники общественаго богатства будутъ течь полнѣе, только тогда можно будетъ окончательно перешагнуть узкій горизонтъ буржуазнаго права; только тогда общество будетъ въ состояніи написать на своемъ знамени: каждый по своимъ способностямъ, каждому по его потребностямъ».*) Утопическій социализмъ врядъ ли дѣлалъ болѣе рѣшительныя заявленія: какъ у Сень-Симона, въ основѣ марксистскаго отрицанія права и государства лежитъ здѣсь своего рода эсхатологія хозяйства. Поэтому утвержденіе современныхъ теоретиковъ коммунизма, что въ будущемъ идеальномъ строѣ «не будетъ науки политической экономіи», слѣдуетъ понимать въ гораздо болѣе общемъ и буквальномъ смыслѣ. Въ немъ дѣйствительно нѣтъ мѣста «наукѣ о хозяйствѣ». Она вполне замѣняется «научной организаціей труда».**)

Съ этой точки зрѣнія вполне разрѣшимымъ оказывается то противорѣчіе въ марксизмѣ, которое недавно под-

*) Критика Готской программы.

**) Совершенно соответствуетъ повтому духу марксизма то полное отождествленіе всякой практической дѣятельности съ хозяйственной, которое проводится въ коммунистической педагогикѣ, особенно въ университетской политикѣ сов. власти. Если хозяйство есть не что иное какъ техника, то и обратно: медицина, педагогика и т. п. суть такія же «отрасли народнаго хозяйства», какъ земледѣліе, горная и электротехнич. промышленность и т. д. Въ такомъ случаѣ университетъ дѣйствительно можетъ быть превращенъ въ «советскій вузъ», который «ставитъ своей задачей готовить специалистовъ-организаторовъ въ опредѣленныя отрасли народнаго хозяйства». Срв. нашу статью о сов. педагогикѣ въ № 15 — 16 «Русской школы за рубежомъ» и наши «Основы педагогики»; гл. 12, дополнительныя соображенія, подтверждающія нашу тезу о вырожденіи въ коммунизмѣ хозяйства въ технику, см. ниже, гл. 5, § 16.

вергли обсужденію Кельзенъ и Новгородцевъ : *) противорѣчіе между анархическимъ идеаломъ духовной культуры и отрицаніемъ экономической свободы. Въ сущности неправильно говорить, что коммунизмъ хочетъ утвердить абсолютную свободу духовнаго развитія личности (свободу ея развитія въ областяхъ науки и техники, искусства и нравственности) на экономической несвободѣ. Экономическая свобода не столько отмѣняется въ марксизмѣ, сколько она « отмираетъ » вмѣстѣ съ самымъ хозяйствомъ. Чтобы проявлять себя творчески въ областяхъ науки и техники, искусства и нравственности, освобожденные отъ природы люди просто не будутъ нуждаться въ экономической свободѣ. Совершенно вѣрно, что « это — освобожденіе человѣка отъ оковъ необходимости, отъ слѣпого подчиненія природѣ и общественной законѣрности, отъ узъ ирраціональнаго и непредвидѣннаго ». **) Вѣрно также, что « общество проникается до конца нормой совершенной жизни, становится воплощеннымъ рациональнымъ порядкомъ », не нуждающимся въ политической свободѣ. Но невѣрно, что здѣсь « нѣтъ и личной воли и индивидуальной свободы ». По замыслу марксизма, вполне совпадающему съ анархизмомъ, свобода переходитъ изъ низшей сферы въ высшую потому, что въ области хозяйства, разрѣшившаго вполне свою задачу, она становится ненужной***). Только въ чистой области духа будутъ люди конкурировать другъ съ другомъ. Напротивъ всякая борьба за матеріальныя блага прекратится. Въ этой низшей области индивидъ совершенно исчезнетъ въ обществѣ. Здѣсь онъ не будетъ совсѣмъ чувствовать себя отличнымъ отъ общества****). «Необходимость соблю-

*) Kelsen Socialismus und Staat. 1920 (2-ое изд. 1923). «Der Widerspruch zwischen der politischen und ökonomischen Theorie des Marxismus», стр. 53, — Новгородцевъ. Общественномъ идеалѣ. 3-ье изд., стр. 228 сл.

**) Новгородцевъ, 229.

***) Повидимому это и думаетъ Кельзенъ, говоря, что хозяйство въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ превращается въ «сгущенную въ фиктивную реальность абстракцію».

****) «Истинной человѣческой эмансипаціи мы достигнемъ тогда, когда отдѣльный человѣкъ въ своей эмпирической жизни, въ своемъ индивидуальномъ трудѣ, въ своихъ индивидуальныхъ отношеніяхъ станетъ родовымъ существомъ и когда онъ свои Fortschritte познаетъ

дать несложныя, основныя правила всякаго человѣческаго общежитія очень скоро станутъ привычкой», какъ говоритъ Ленинъ^{*)}).

Намъ нечего настаивать больше на нашей тезѣ, что марксизмъ проявляетъ и усугубляетъ утопизмъ первоначальнаго социализма. Абстрактное отрицаніе стало въ немъ реальнымъ черезъ теорію классовой борьбы. Но въ революціонномъ аспектѣ марксизма оно осталось еще чистымъ отрицаніемъ. Отсюда чисто отрицательное понятіе свободы: свобода для Маркса есть тоже прежде всего освобожденіе отъ природы и, значитъ, отъ труда, полное и безусловное «счастье»^{**)}. Совершенно національная, природа мыслится марксизмомъ безусловно покоренной: она — бездушная раба человѣка, не имѣющая самостоятельной цѣнности, простое орудіе удовлетворенія его потребностей. Отсюда также характерный для всякаго утопизма метафизическій максимализмъ предпосылокъ: какъ классовая борьба есть не столько специфическое зло именно капиталистическаго строя, но существо всей предыдущей исторіи и основа всего общественнаго зла, котораго ареной она была, такъ съ уничтоженіемъ ея въ сверхклассовомъ обществѣ будетъ уничтожено всякое зло и насиліе. Не только экономическій вопросъ будетъ разрѣшенъ, но и вопросъ національный, женскій, уголовный и т. д.^{***)}. Отсюда также и отмѣченными выше, какъ характерное для утопическаго социализма, пониманіе сво-

и организуетъ, какъ силы общественныя» Marx u. Engels, aus der litter. Nachlass, I, стр. 421.

*) Гос. и Рев. 1918, стр. 96.

**) Срв. Каутскій, Эрфуртская программа (р. изд. 1916 г., стр. 122): «Не свобода труда, но освобожденіе отъ труда, которое станетъ возможнымъ благодаря машинизму въ социалистическомъ обществѣ, принесетъ человѣчеству радость бытія, свободу хозяйственной и научной дѣятельности, свободу благороднѣйшаго наслажденія». «На дѣлѣ царство свободы начинается лишь тамъ, гдѣ кончается работа, опредѣленная нуждой и внѣшней цѣлесообразностью; т. обр. по самой природѣ вещей оно лежитъ по ту сторону сферы собственно матеріальнаго производства». Капиталь III т., ст. 355. Срв. Каутскій, Ethik (1906), 137.

***) Даже еще Бебель отдалъ дань (въ «Женщина и социализмъ») одно время распространенному марксистскому обычаю сводить всѣ виды общественнаго зла къ экономическому угнетенію. Только своей наивной прямолинейностью, но не общимъ своимъ духомъ отличаетъ

боды какъ механическаго результата подчиненія, личности какъ слѣдствія крайняго проявленія общественнаго начала. Въ марксизмѣ эта дурная діалектика возводится даже въ добродѣтель: явная и безпощадная диктатура, крайній коммунизмъ мыслится здѣсь какъ своего рода «антитезисъ», который уничтожаетъ лицемѣрную и мнимую свободу, дурную анархію капиталистическаго «тезиса» и изъ котораго, въ качествѣ послѣдняго синтеза, родится абсолютная, анархическая свобода и ничѣмъ неограниченное всестороннее развитіе личности — подлинный индивидуализмъ вмѣсто фиктивнаго индивидуализма правового государства *).

7.

По сравненію съ утопическимъ социализмомъ научность марксизма проявляется такимъ образомъ въ томъ, что чисто отвлеченное отрицаніе первымъ современнаго, исторически сложившагося уклада онъ пытался обосновать теоретическимъ анализомъ этого уклада. Но какъ отъ такого объясненія не измѣняется, а только усугубляется чисто отрицательный и, значитъ, утопическій характеръ социалистическаго идеала, точно такъ-же марксизмъ только возводитъ въ методъ тотъ раціоналистически-механистическій уклонъ мышленія, который какъ мы видѣли, отличаетъ собою построенія утопистовъ. Если у этихъ послѣднихъ раціонализмъ и механизмъ мышленія проявлялся въ произвольности, съ которой на голомъ мѣстѣ, руководствуясь исключительно соображеніями раціональной цѣлесообразности, строили они во всѣхъ ея подробностяхъ машину идеальнаго общественнаго порядка, то въ марксизмѣ этотъ же самый раціонализмъ проявляется

ся отъ этого экономическаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ плаученный нами отвѣтъ одного, вполнѣ виднаго, коммуниста. На нашъ вопросъ: какъ будетъ реагировать коммунистическое общество, напр. на убійство изъ ревности, послѣдній отвѣтилъ: «да въ немъ не будетъ никакой ревности, разъ женщина будетъ экономически свободной».

*) Срв. еще даже у Каутскаго въ «На другой день...» (р. изд. 1916, стр. 60): «Коммунизмъ въ матеріальномъ производствѣ, анархизмъ въ интеллектуальномъ, — таковъ тотъ типъ социалистическаго производства...»

въ чисто механическомъ взглядѣ на общество, лежащемъ въ основаніи даннаго Марксомъ анализа капиталистическаго строя. Не прослѣживая его здѣсь во всѣхъ частностяхъ Марксова ученія, мы остановимся только на двухъ пунктахъ, имѣющихъ особенное значеніе для дальнѣйшаго изложенія.

Ученіе о классовомъ строеніи общества направляется въ первую очередь противъ традиціоннаго воззрѣнія на общество классическаго либерализма. Согласно послѣднему общество состоитъ изъ одинаковыхъ, рядоположенныхъ атомовъ, находящихся между собою въ отношеніи механическаго сталкиванія (конкуренціи). Безконечно различаясь между собою частностями, они всѣ однако имѣютъ какое-то среднее, одинаковое ядро, средній «общій интересъ» (безопасности, огражденія каждому его согласуемаго съ произволомъ другого произвола), который объединяетъ ихъ всѣхъ именно своей одинаковостью. Право и есть выраженіе этого общаго интереса, и государство — орудіе его обезпеченія. Между государствомъ, охраняющимъ этотъ одинаковый интересъ всѣхъ, и гражданами, какъ его отвлеченными отдѣльными воплощеніями, классическій либерализмъ не признавалъ никакихъ промежуточныхъ слоевъ, кромѣ ассоціацій частно-хозяйственнаго характера, объединенныхъ опять таки механически — одинаковымъ интересомъ отдѣльныхъ входящихъ въ нихъ членовъ. Несмотря на все свое отрицаніе этого воззрѣнія, марксизмъ вполнѣ раздѣляетъ породившій его механической образъ мышленія. Въ самомъ своемъ отрицаніи либерализма онъ не выходитъ за предѣлы атомистическаго индивидуализма. Раздѣленное на классы, современное общество не имѣетъ общаго интереса, и, значитъ, нѣтъ права и государства, которые бы его выражали. Но внутри себя каждый классъ мыслится какъ имѣющій то же самое механическое строеніе. Онъ объединяется въ одну общественную группу тѣмъ одинаковымъ интересомъ, который опредѣляется его мѣстомъ въ производствѣ. Въ отношеніи господствующихъ классовъ этотъ общій интересъ, какъ среднее одинаковыхъ интересовъ составляющихъ его индивидовъ, выражается правомъ и государствомъ. Въ отношеніи пролетаріата онъ выражается партией, какъ организаціей, имѣющей цѣлью свергнуть государство и право. Въ отличіе отъ либера-

лизма, мыслившаго общество статически, марксизмъ даетъ теорію общественнаго развитія. Но развитіе это мыслится имъ опять таки чисто механически: будучи слѣдствіемъ концентраціи капитала и поглощенія крупными предпріятіями предпріятій мелкихъ, развитіе это заключается въ возрастающемъ униформированіи внутри борющихся между собою классовъ. Этотъ чисто механическій процессъ концентраціи капитала ведетъ все больше и больше къ обостренію противоположности между двумя основными классами — господствующимъ и угнетеннымъ, поглощающими съ теченіемъ времени всё различія внутри основныхъ классовъ и т. наз. промежуточные классы. Самая побѣда пролетаріата мыслится тоже чисто механически, какъ завоеваніе власти и замѣна одного собственника (меньшинства) другимъ («всеми»: «экспроприация экспроприаторовъ»). Въ результатъ побѣды уничтожается то единственное экономическое различіе, которое существовало въ немъ ранѣе (буржуазія — пролетаріатъ), и создается общество, экономически совершенно однородное (экономическое равенство). Это общество по структурѣ своей вполнѣ напоминаетъ собою общество классическаго либерализма: только вмѣсто силы взаимнаго отталкиванія (конкуренціи) атомы, его составляющіе, развиваютъ силу взаимнаго притяженія (солидарности). Оно мыслится именно какъ простое отрицаніе общества классическаго либерализма — черезъ замѣну основной его характеристики другой, ей прямо противоположной. Еще болѣе чѣмъ въ классическомъ либерализмѣ общество остается здѣсь простымъ агрегатомъ составляющихъ его индивидовъ. Ибо если въ либеральномъ воззрѣніи общественность мыслилась какъ гармонія, естественно приистекающая изъ конкуренціи*), то въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ общественность вполнѣ совпадаетъ съ суммой составляющихъ общество индивидовъ. Какъ чисто механическая сумма не заключаетъ въ себѣ ничего новаго по сравненію со слагающими ее частями, такъ и здѣсь общество не имѣетъ своей особой воли по сравненію со составляющими его индивидами. Оно потому и не можетъ «эксплуатировать» послѣднихъ, что оно не есть нѣчто отъ нихъ отдѣльное, а есть простая ихъ

*) Срв. нашу статью «Эволюція либерализма», С. 3. XXIII, стр. 320 слѣд.

сумма, не имѣющая никакого особаго бытія, вполне совпадающая съ бытіемъ своихъ частей*). Тотъ индивидуалистическій моментъ, которымъ Благо утопическаго социализма, какъ мы видѣли, отличается отъ Блага консерватизма, сохраняется въ полной мѣрѣ въ марксизмъ, будучи сразу и плодомъ и замысломъ его механистической теоріи общества.

Статическая борьба всѣхъ противъ всѣхъ (конкуренція классическаго либерализма) превращается въ марксизмъ въ динамическую, возрастающую въ своей интенсивности борьбу двухъ классовъ. Она «аккумулируется» на двухъ полюсахъ, но это чисто количественное суммирование конкуренціи, съ одной стороны, и солидарности, понимаемой какъ одинаковость индивидуальныхъ интересовъ, съ другой, только усугубляетъ раціоналистическій характеръ механистическаго пониманія общества. Отсюда извѣстныя апоріи теоріи классоваго разслоенія. Сколько бесплодныхъ споровъ вызвало въ марксизмъ раціоналистическое стремленіе втиснуть въ схему двухъ борющихся классовъ все сложное разслоеніе современнаго общества. Что представляетъ собою крестьянство, упорно не желающее раслаиваться на безземельное батрачество и аккумулирующееся въ крупную сельско-хозяйственную промышленность землевладѣніе? Что такое пресловутая интеллигенція, по своему мѣсту въ производствѣ однородная пролетаріату, по своей же идеологіи поддерживающая господство буржуазіи? Что такое мелкая буржуазія, эта жертва возрастающей концентраціи капитала, сохраняющая однако идеологію своего угнетателя? Въ какой мѣрѣ солидарность господствующаго класса согласуема съ очевидной борьбой внутри его между землевладѣніемъ, промышленнымъ и финансовымъ капиталомъ? Послѣ того какъ сами коммунисты отказались отъ политики разслоенія крестьянства и провозгласили лозунгъ смычки крестьянства съ пролетаріатомъ, кто еще изъ марксистовъ вѣритъ въ механическую аккумуляцію солидарности и борьбы?**) Куновъ въ своей послѣдней книгѣ старается по-

*) Срв. напр. «Нищета философіи» (Elend der Philos. 5-ое изд., стр. 70.).

**) Срв. напр. Каутскій Von der Demokratie zur Staatsklaverei, 1921 «грань между буржуа и рабочимъ нельзя нигдѣ провести съ точностью» (стр. 170.).

казать, что лишь «вульгарный марксизм» утверждает наличие в современном обществе только двух борющихся классов, сами же Маркс и Энгельс всегда признавали множественную сложность классового строения современного общества*). Пусть так. Но все же никакими филологическими толкованиями не удастся доказать «вульгарность» утверждения, что вся эта для нынешнего момента признаваемая сложность классового строения общества по мысли Маркса кроется в себѣ, как свою неминуемую **потенцію**, механическую двойственность имущего и неимущего классов. Но эта потенция вѣдь и есть подлинная историческая реальность, та истинная **динамика** общественной жизни, которая лежит в основѣ болѣе поверхностного слоя эмпирически преднаходимой статики. Так и в данном случаѣ историческое обоснование, которым марксизм претендует отличать-ся от утопического социализма, на дѣлѣ служит укрѣпленію характернаго для послѣдняго механистическаго взгляда на общество. Интересно, что Куновъ самъ показывает внутреннюю связь, существующую между чисто отрицательнымъ взглядомъ на государство и механистической теоріей двухъ борющихся между собою классовъ. Въ той самой мѣрѣ, въ какой Энгельсъ, по его мнѣнію, признаетъ наличие множественной сложности классового строения общества, онъ принужденъ также признать, что государство есть не простое выраженіе воли господствующаго класса, а нѣкій «компромиссъ между классами», стоящій «надъ» ихъ односторонними интересами**).

*) Срв. Сунow, *ibid.*

**) Срв. Куновъ, *ibid.*, т. 2 Срв. также O. Fauer. *Die österreichische Revolution, 1923.* Критику этого взгляда см. Kelsen'a «Marx oder Lassale» (*Archiv f. die Geschichte des Socialismus* XI-3, стр. 276 сл.) — Все значеніе извѣстной книги E. Durkheim'a о «раздѣленіи труда» заключается именно въ томъ, что чисто механической концепціи общества классическаго либерализма и марксизма она противопоставила теорію возрастающаго усложненія социальнаго строения общества, заключающагося одновременно въ усиленіи какъ дифференціаціи такъ и солидарности въ немъ. Этимъ объясняется вліяніе этой книги какъ на представителей французскаго неолиберализма («солидаризма»), такъ и на франц. синдикализмъ, которые въ равной мѣрѣ (одинъ иля отъ либерализма, другой — отъ марксизма) порываютъ съ механистической концепціей общества. См. ниже гл. IV, § 12.

Именно эта механическая концепція общества лежитъ и въ основѣ центральной для марксизма теоріи цѣнности. Существо механизма заключается въ пониманіи блага какъ простой суммы составляющихъ его частей и въ связи съ этимъ съ разсмотрѣніемъ частей какъ самостоятельныхъ довлѣющихъ себѣ субстанцій*). Поскольку цѣнность блага въ марксизмѣ понимается какъ субстанція вложеннаго въ производство его труда, она мыслится какъ присущая данному отдѣльному благу характеристика, независимо отъ отношенія этого блага къ цѣлокупности общественнаго богатства. Напротивъ, все общественное богатство есть не что иное какъ простая сумма цѣнностей отдѣльныхъ благъ, какъ овеществленныхъ единицъ труда, затраченныхъ на ихъ производство. Могутъ возразить, что, поскольку Марксъ вводитъ понятіе общественно-необходимаго труда, которымъ именно (а не фактически затраченнымъ трудомъ) измѣряется цѣнность блага, онъ выходитъ за предѣлы чисто изолированнаго разсмотрѣнія отдѣльнаго блага и опредѣляетъ цѣнность послѣдняго какъ функцію общественнаго труда въ цѣломъ. Но здѣсь именно и проявляется съ особенной очевидностью зависимость всей теоріи отъ механистической концепціи общества. Смыслъ теоріи общественно-необходимаго труда заключается въ утвержденіи, что общія цѣнности всѣхъ (воспроизводимыхъ) благъ равна суммѣ всего затраченнаго на ихъ производство труда. Предпосылкой этой теоріи является пониманіе всего труда какъ совершенно однороднаго, безкачественнаго, измѣряемаго чисто количественной величиной — временемъ. Таковъ именно взглядъ Маркса, и эта принимаемая имъ механическая однородность труда вполне соответствуетъ отмѣченной выше предпосылкѣ однородности пролетаріата, какъ класса производителей цѣнностей.

Въ теоріи прибавочной цѣнности механизмъ основнаго воззрѣнія выступаетъ еще явственнѣе. Было бы, конечно, грубой вулгаризаціей теоріи считать, что прибавочная цѣнность есть плодъ присвоенія части созданной трудомъ цѣнности въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи. Нѣтъ, между отдѣльными предпріятіями она распределяется согласно сложнымъ законамъ регулирующимъ конкуренцію между собой какъ отдѣльныхъ видовъ промыш-

*) O. Spann. Der wahre Staat. 1921.

ленности, такъ и отдѣльныхъ предприятий внутри нихъ. Прибавочная цѣнность есть плодъ присвоенія всѣмъ капиталомъ въ цѣломъ части созданныхъ всѣмъ трудомъ въ цѣломъ цѣнностей. Но если такъ, то значить въ основѣ теоріи капиталистическаго присвоенія лежитъ предпосылка совершенной безкачественной однородности капитала, та самая предпосылка полной его «ликвидности» которую мы въ предыдущей статьѣ*) вскрыли какъ основную предпосылку политической экономіи классическаго либерализма. Будучи рѣзко противоположными другъ другу, трудъ и капиталъ внутри себя совершенно однородны, одинаковы, состоятъ изъ качественно между собой не различающихся атомовъ. Поэтому когда, послѣ «экспропріаціи экспропріаторовъ», въ коммунистическомъ строѣ эта основная противоположность будетъ уничтожена, а вмѣстѣ съ нею и явленіе прибавочной цѣнности, существенная однородность труда проявится и во вѣкъ: сиоина вознаграждаемый, трудъ будетъ приносить столько, сколько онъ создаетъ т. е. одинаковую цѣнность соответственно затраченному времени**). И въ этомъ отношеніи такимъ образомъ проявляется чисто отрицательная сущность марксизма: отрицая либерализмъ, онъ **вполнѣ раздѣляетъ его механистическую концепцію общества.** Отсюда чисто механической характеръ предлагаемаго имъ рѣшенія вопроса: все зло капиталистическаго общества, существо разбѣдающей его «эксплоатаціи» заключается въ механическомъ явленіи присвоенія собственниками орудій производства создаваемыхъ трудомъ цѣнностей (прибавочной цѣнности). Достаточно «экспропріировать экспропріаторовъ», и капитализмъ переродится въ коммунизмъ.

Изъ всѣхъ ученій классической политической экономіи дальше всего отходить отъ чисто механистической концепціи общества теорія земельной ренты Рикардо. Не только потому, что она учитываетъ именно качественныя различія между земельными участками, но прежде всего потому, что она доходность и, значить, цѣнность каж-

*) Срв. С. З., XXIII, стр. 314 сл.

***) Срв. слова Ленина, которыми онъ характеризуетъ «первую фазу коммунизма»: «все общество будетъ одной конторой и одной фабрикой съ равенствомъ труда и равенствомъ платы» (Гос. и Рев., 1918, стр. 95).

даго участка земли понимает какъ функцию всей хозяйственной конъюнктуры въ цѣломъ. Цѣлое какъ таковое опредѣляетъ, согласно ей, цѣнность отдѣльной части. Пусть самъ Рикардо, въ силу своего натурализма, ограничивался въ своей теоріи разсмотрѣніемъ только тѣхъ качественныхъ различій, которое обусловлены чисто природными свойствами земельныхъ участковъ. Въ своей предыдущей статьѣ мы показали*), какъ съ расширеніемъ понятія **качественныхъ различій** до понятія **индивидуальнаго характера** данной собственности (включающаго въ себя всю совокупность экономическихъ и общекультурныхъ условий), идея органической обусловленности цѣнности отдѣльнаго производительнаго блага цѣлымъ общественнаго хозяйства распространяется съ «земли» на «капиталь» и открываетъ перспективу органической общественной теоріи цѣнности**). Конечно, это приводитъ къ уничтоженію основоположнаго для Рикардо различія между земельной собственностью и собственностью на капиталъ и, слѣдовательно, между земельной рентой и прибылью. Но развитіе это идетъ какъ разъ въ противоположномъ направленіи предпринятой Марксомъ попытки свести и земельную ренту къ прибавочной цѣнности, т. е. понять и ее какъ продуктъ механическаго присвоенія собственниками орудій производства создаваемыхъ пролетаріатомъ цѣнностей***). Мы отнюдь не отрицаемъ того, что въ капиталистическомъ строѣ существуетъ явленіе

*) С. 3, XXIII, стр. 314 сл.

***) Уже теорія цѣнности австрійской школы, несмотря на весь свой субъективизмъ и психологизмъ, которыми слѣдуетъ объяснить скудость достигнутыхъ ею результатовъ, означала первый шагъ въ указанномъ направленіи, поскольку она пыталась объяснить цѣнность хозяйственнаго блага его мѣстомъ въ общей совокупности (правда индивидуальнаго!) богатства. Родство основнаго ея понятія предѣльной полезности съ Рикардовымъ понятіемъ предѣльнаго участка земли, обработка котораго покрываетъ еще издержки производства и доходность котораго опредѣляетъ ренту и, значитъ, цѣнность прочихъ участковъ земли, не подлежитъ сомнѣнію. Срв. въ особенности американскую школу пол. экономіи: Clark, Principles...

***) Весь смыслъ развитой Марксомъ въ 3-емъ томѣ «Капитала» теоріи ренты сводится именно къ утвержденію, что послѣднимъ источникомъ ея является все та же «прибавочная цѣнность». Если Марксъ и признаетъ здѣсь значеніе спроса и предложенія (для цѣно- и косвенно-рентообразованія), то лишь въ отношеніи дѣлежа «общаго котла»

прибавочной цѣнности, т. е. присвоенія собственникомъ орудій производства части «вмѣняемой» труду цѣнности. Въ полной мѣрѣ признаемъ мы и то, что источникомъ цѣнности является человѣческой трудъ (въ такой общей формѣ впрочемъ утверждение это есть никѣмъ не оспариваемый трюизмъ), и въ особенности то, что доходность какъ земельной собственности такъ и собственности на капиталъ должна быть въ значительной, все возрастающей части «вмѣнена» обществу въ цѣломъ (въ лицѣ **разнообразныхъ** общественныхъ союзовъ, включая и государство). Мы только противъ того, чтобы въ прибавочной цѣнности видѣть основной феноменъ капиталистическаго строя, и противъ утвержденія, что вся цѣнность производимыхъ благъ должна быть вмѣнена труду непосредственно вырабатывающихъ ихъ производителей или хотя бы отвлеченному среднему труду всѣхъ занятыхъ въ данный моментъ въ производствѣ всего общества рабочихъ. «Общество» не есть простая сумма какихъ то отвлеченныхъ среднихъ трудовыхъ единицъ, но есть сложное, органическое, расчлененное цѣлое, почему, какъ это подробно еще будетъ показано ниже, «обобществленіе» и не можетъ заключаться въ механическомъ отнятіи производимыхъ цѣнностей отъ капиталистовъ и передачѣ ихъ производителямъ*). Впрочемъ, въ нашу задачу сейчасъ не входитъ критика Марксовой теоріи цѣнности. Своими замѣчаніями мы хотѣли лишь показать, что въ основѣ этой теоріи лежитъ механистическая концепція общества, общая у марксизма съ классическимъ либерализмомъ.

Именно общностью этого основного воззрѣнія и объясняется то что, несмотря на все свое стремленіе укор-

прибавочной цѣнности между собственниками воспроизводимыхъ орудій производства (капиталистами) и собственниками — монополистами (землевладѣльцами). И абсолютная рента (объясняющаяся монопольнымъ характеромъ землевладѣнія вообще) и дифференціальная рента (плодь монопольнаго характера владѣнія определеннымъ участкомъ) проистекають (аналогично прибыли и проценту на капиталъ), отъ присвоенія собственниками земли части овеществленнаго труда рабочихъ. Срв. особ. гл. 47 и 48 («Трѣдняя формула»).

*) Ратенау въ своемъ «Die neue Wirtschaft» остроумно показалъ, что распредѣленіе всей «прибавочной цѣнности» Германіи между нѣмецкими рабочими увеличило бы доходъ каждаго ихъ лишь на самую ничтожную сумму.

нить социализмъ въ исторической дѣйствительности, марксизмъ не въ силахъ порвать съ утопизмомъ. Питающіе послѣдній рационалистическій механизмъ и отрицаніе исторіи самымъ тѣснымъ образомъ связаны другъ съ другомъ. Раздѣляя общее съ классическимъ либерализмомъ механистическое пониманіе общества, марксизмъ вынужденъ ограничиться простымъ отрицаніемъ послѣдняго. Если утопическій социализмъ отрицалъ капитализмъ путемъ отвлеченнаго построения идеальнаго строя, во всемъ противоположнаго либеральному правовому государству, то марксизмъ отрицаетъ его своей теоріей и практикой классовой борьбы, въ основѣ которой лежитъ механистическій анализъ капиталистическаго общества и либеральнаго государства. Въ качествѣ одного изъ вторичныхъ признаковъ «научности» марксизма по сравненію съ утопическимъ социализмомъ правовѣрные марксисты приводятъ именно то обстоятельство, что марксизмъ отказывается отъ построения положительной картины будущаго строя и ограничивается отрицающимъ нынѣшній строй анализомъ послѣдняго. Это несомнѣнный и безспорный шагъ впередъ на пути стъ утопіи къ дѣйствительности. Но это только подтверждаетъ наше положеніе, что марксизмъ есть осознаніе и формулированіе чистаго отрицанія, которымъ исчерпывалось и якобы положительное содержаніе утопическаго социализма. **Скрытое и пассивное отрицаніе послѣдняго становится въ немъ явнымъ и активнымъ.** Марксизмъ разглядѣлъ, что вся «положительность» утопическаго социализма была мнимой, была только маской чистаго отрицанія. Сорвавъ эту маску, онъ возвелъ это чистое отрицаніе въ добродѣтель. Вся задача заключается въ томъ, чтобы свергнуть современныя государство и право, «захватить власть». Дальше все само собою образуется. Отрицаніе само собою породитъ новый строй. И потому незачѣмъ, какъ говорилъ Бебѣль, заниматься «мелкой утопической живописью чтобы говорить: такимъ, а не инымъ должно быть социалистическое общество. Оно само придетъ». Въдъ капитализмъ «чревать» социализмомъ, и задача социалистической партіи сводится къ тому, чтобы помочь родамъ имѣющаго неминуемо придти новаго строя и, завоевавъ государственную власть, стать его воспріемникомъ. Какъ мы видимъ, и самый **фатализмъ** «научнаго социализма», которымъ послѣдній претендуетъ отличать-

ся отъ социализма утопическаго, есть не что иное, какъ **маска его чисто отрицательнаго характера**. Если отвлеченное отрицаніе утопическаго социализма маскировалось положительной, рационалистически построенной картиной будущаго строя, то реальное отрицаніе марксизма маскируется фатализмомъ, обоснованнымъ рационалистически-механистическимъ анализомъ современнаго общественнаго уклада.

С. I. Гессенъ.